

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1917 Г.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для
дѣтей средняго возраста

(XVI годъ
изданія).**МИРОКЪ**(XVI годъ
изданія).

Ученымъ комитетомъ Мин. Народн. Пр. журналъ допущенъ въ библіотеки
начальныхъ школъ.

КРОМЪ 12 книжекъ журнала, составляющихъ къ
концу года изящный томикъ въ 384 стр.

== **БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ:** ==

необычайно интересная книга, со множ. иллюстр. въ текстѣ,

З. Томпсона-Сетона:

== **ЮНЫЕ ДИКАРИ,** ==

повѣсть о томъ, какъ два американскихъ мальчика вели въ
лѣсу жизнь индѣйцевъ и чему они научились.

Подписная цѣна

на журналъ „Мірокъ“
съ безплат. приложен.

2 р. 50 к.
съ пересылк.,

при чемъ подписка принимается **ТОЛЬКО НА ГОДЪ** и безъ разсрочки.

Пробн. № журнала высыл. за 2 семикоп. марки.

Адресъ конторы журнала „Мірокъ“: **МОСКВА, Тверская, д. № 48,**
Т-ва И. Д. Сытина.

XI годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1917 ГОДЪ НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ“

издаваемый Т-вомъ И. Д. СЫТИНА,
подъ редакціей Н. В. ТУЛУПОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, кромѣ іюня и іюля, всего
20 разъ въ годъ.

Вступая въ одиннадцатый годъ изданія, журналъ вслѣдствіе бу-
детъ слѣдовать основнымъ своимъ задачамъ: 1) Служить дѣлу раз-
витія школы на началахъ, диктуемыхъ современной научной педаго-
гикой и запросами обновляющейся русской жизни. 2) Содействовать
объединенію работниковъ по народному образованию для достиженія
наибольшей успѣшности въ ихъ работѣ. — Журналъ будетъ слѣ-
дить за развитіемъ новыхъ педагогическихъ идей и школьнаго дѣла и давать
всякаго рода справки и указанія практическаго характера по вопросамъ
школьнаго и внѣшкольнаго образованія. — Во многихъ городахъ и селеніяхъ
Европейской и Азіатской Россіи журналъ имѣетъ собственныхъ кор-
респондентовъ, дающихъ сообщенія съ мѣстъ.

Въ 1917 году журналъ будетъ выходить въ нѣсколько увеличен-
номъ объемѣ и съ иллюстраціями. Въ теченіе года на страницахъ
журнала будутъ даны гдѣ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художни-
ковъ. Снимки эти, имѣя самостоятельную художественную цѣнность,
могутъ служить также полезнымъ пособіемъ для учителя, какъ
иллюстрационный матеріалъ при школьныхъ занятіяхъ съ учениками.

Въ журналѣ печатаются **ПЬЕСЫ** для дѣтскихъ спектаклей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ годъ—5 р., на 1/2 года—2 р. 50 к. Отдѣльный № 25 к.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Пятницкая улица,
типографія Т-ва И. Д. Сытина, а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
Т-ва И. Д. Сытина.

Верденъ—славянскій

◀ ◀ ◀ городъ. ▶ ▶ ▶

Громъ пушекъ и отчаянныя атаки войскъ кронпринца на Верденъ не мѣшаютъ французскимъ ученымъ заниматься почтеннымъ дѣломъ археологическихъ и историческихъ изысканій. И что всего интереснѣе,—это то, что ученые сумѣли использовать войну для своихъ цѣлей и сдѣлать на военной почвѣ нѣсколько весьма любопытныхъ открытій.

Послѣднее изъ нихъ,—разсказываетъ П. Верязовъ въ «Р. У.»,—лежитъ какъ разъ предо мной въ образѣ мемуара аббата Карріе о русскомъ происхожденіи Вердена. Мемуаръ Карріе обработанъ директоромъ парижской школы хартий профессоромъ Пру и представляетъ собой историческое археологическое и физиологическое изслѣдованіе.

Авторъ его, почтенный ученый аббатъ, былъ мобилизованъ въ самомъ началѣ войны, и самъ попросился на передовыя линіи. Случайность привела его въ Верденъ, гдѣ онъ, несмотря на свистъ пуль и грохотъ нѣмецкихъ снарядовъ, немедленно принялся за изученіе старины съ жаромъ истиннаго ученаго.

Когда послѣ недѣльнаго сидѣнія въ окопахъ его рота получала трехдневный отпускъ, и солдаты, товарищи Карріе, немедленно отправлялись въ кафе, аббатъ скрывался въ прохладный погребъ какого-нибудь архива или библіотеки и принимался за разборку пыльных документовъ.

Ему удалось найти интересныя вещи и, между прочимъ, объяснить, почему римляне называли современный Верденъ «Urbs slavonorum». Названіе это съ четвертаго вѣка нашей эры появляется и въ официальныхъ актахъ.

Оказывается, что Верденъ былъ основанъ римлянами специально затѣмъ, чтобы служить лагеремъ для плѣнныхъ сарматовъ и славянъ, приводимыхъ изъ Южной Россіи, съ границъ современной

Румыніи и Галиціи. При императорѣ Траянѣ сюда были приведены 8000 славянскихъ семействъ, работавшихъ надъ возведеніемъ знаменитаго Траянова вала въ южной Бессарабіи.

Верденъ былъ, повидимому, концентраціоннымъ лагеремъ. Въ теченіе трехъ вѣковъ здѣсь перебивали многіе десятки тысячъ славянъ, которые потомъ переселились въ города современнаго Люксембурга, Сѣверной Фландріи и Бельгіи. Но въ то время, какъ слѣды ихъ тамъ почти совершенно затерялись, въ Верденѣ наличность ихъ можетъ быть установлена по громадному количеству фактовъ.

Аббатъ Карріе приводитъ цѣлый словарь словъ славянскаго происхожденія, до сихъ поръ употребляющихся въ Верденѣ и его окрестностяхъ, приводитъ записи документовъ XI вѣка, сдѣланныя церковно-славянскимъ шрифтомъ, указываетъ, что въ верденскомъ округѣ до сихъ поръ въ большомъ употребленіи собственные имена явно славянскаго и византійскаго происхожденія, воспроизводитъ фотографіи надгробныхъ памятниковъ не римскаго и не галльскаго типа, въ которыхъ нетрудно найти печать южно-русскихъ вліяній.

Авторъ интереснаго изслѣдованія отвѣчаетъ и на вполне естественный вопросъ,—зачѣмъ, съ какой цѣлью перевели сюда римляне цѣлыя племена славянъ.

Изслѣдованіе архивныхъ документовъ приводитъ его къ заключенію, что римляне преслѣдовали не только колонизаціонныя, не и опредѣленные военныя цѣли.

Изъ славянъ они образовали гарнизоны крѣпостей, которыми былъ усѣянъ лѣвый берегъ Рейна для защиты Галліи отъ набѣговъ свирѣпыхъ тевтоновъ.

1500 лѣтъ спустя исторія повторилась. Верденъ снова видитъ русскія войска, пришедшія изъ-за тридцати земель защищать этотъ оплотъ современной Галліи отъ германскихъ варваровъ.

Какое удивительное совпаденіе, какіе пути избираетъ мировая исторія для торжества своей культурной идеи, какъ далеко въ глубь вѣковъ заходитъ наше

братство съ французами и итальянцами передъ лицомъ общаго врага».

о о о — о о о

КАКЪ ЛОВЯТЪ ПОДВОДНЫЯ ЛОДКИ.

«Русск. Инвал.» сообщаетъ интересныя подробности объ одномъ изъ способовъ уничтоженія англичанами германскихъ подводныхъ лодокъ.

У береговъ графства Кентъ находится въ морѣ линія черныхъ, отдѣленныхъ одна отъ другой нѣсколькими сотнями ярдовъ, точекъ. Эти точки представляютъ собой поплавки, къ которымъ прикрѣплена находящаяся подъ ними сѣть, при чемъ они расчитаны такимъ образомъ, что, когда въ эту сѣть попадаетъ «рыба», т.-е. неприятельская подводная лодка, то ближайше къ ней полавки погружаются въ воду. По обѣ стороны этой линіи находятся сторожевыя суда, которыя непрерывно слѣдятъ за полавками, какъ рыбаки за своей удочкой.

Самая охота за германскими морскими разбойниками происходитъ такъ:

Какъ только моторная лодка, проходя вдоль линіи полавковъ, замѣтитъ, что какой-либо изъ нихъ подозрительно шевелится, она начинаетъ описывать вокругъ него круги, а если онъ потонетъ, то это означаетъ, что въ сѣть запуталась подводная лодка и старается освободиться отъ нея, и тогда моторная лодка подходитъ поближе и, имѣя наготовѣ орудіе, ожидаетъ, когда подводная лодка покажется на поверхности воды. Неприятельская лодка должна, въ концѣ концовъ, всплыть, такъ какъ сѣть все больше запутываетъ ея винты, и освободить ихъ можно только поднявшись на поверхность моря для распутыванія сѣтей, но, при своемъ появленіи изъ глубины, лодка встрѣчаетъ хорошо направленный выстрѣлъ 6-фунтоваго орудія, который заканчиваетъ ея существованіе.

— — — — —

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, приключеній, науки и литературы.

Контора журнала: Москва, Тверская, д. № 48. Тлф. 5-39-39. — Редакция: Пятницкая, д. № 81. Тлф. 3-62-58.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовые марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверская, домъ № 48, въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина. За перемѣну адреса уплачивается городскими и иногородними подписчиками 30 коп. почтовыми марками. Отдѣльный № журнала 10 к. съ книгой — 50 к. (съ перес.).

о о о УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1917 г. о о о
50 №№ журнала. 36 книгъ I серии полного иллюстрированнаго собранія сочиненій Жюль Верна, 12 №№ иллюстр. ежемѣсячника Журналъ Приключеній и 12 вып. иллюстрированнаго руководства общественнаго и практическаго самовоспитанія молодежи по системѣ „скаутингъ“, сочиненіе Р. Бадень Поуэля.
Подписная цѣна со всѣми приложеніями, безъ дѣленія на обонемента, на годъ **14 р.** 1 апрѣля и 4 р. къ 1 июля. Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, 5 р. къ 1 апрѣля и 4 р. къ 1 июля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ журналъ „Вокругъ Свѣта“ по задѣ текста и 1 руб. впереди принимаются въ Москвѣ — въ конторѣ журнала: Тверская, домъ Т-ва И. Д. Сытина, № 48; въ Петроградѣ — въ конторѣ объявленій Дальстремъ, Екатерининскій каналъ, 27 и въ книжномъ магазинѣ Т-ва И. Д. Сытина: Невскій, 68.

ПОДВОДНАЯ ОХОТА.

Приключенія подводной лодки.

Когда командиръ подводной лодки «М. 39» остановилъ «голландскій» тралеръ въ Сѣверномъ морѣ, онъ предполагалъ, что понадобится только обычная церемонія осмотра бумагъ и груза, послѣ чего можно будетъ отпустить тралеръ съ миромъ. Поэтому онъ очень удивился, когда замѣтилъ, что среди команды тралера началась явная паника.

— Это подозрительно, — пробормоталъ онъ. — Надо изслѣдовать.

Въ сопровожденіи полудюжины членовъ своей команды онъ перешелъ на тралеръ, но наружный осмотръ ничего не обнаружилъ. Затѣмъ онъ вошелъ въ рубку. Съ дивала поднялась тучная фигура, очевидно, шкипера тралера.

— Что вамъ угодно здѣсь? — хмуро спросилъ онъ. — Мы мирное рыболовное судно, мы никому не мѣшаемъ.

— Это требуется доказать. Будьте любезны показать ваши бумаги, — спокойно отвѣтилъ капитанъ.

Шкиперъ повернулся и поднялъ крышку одного сундука, но держалъ ее такъ, что капитанъ не могъ видѣть, что лежитъ тамъ внутри.

— Виновать, — сказалъ капитанъ, — мнѣ очень любопытно посмотреть, что у васъ тутъ хранится.

Шкиперъ бросилъ на него такой взглядъ, что капитанъ приготовился къ борьбѣ. Но въ это мгновеніе въ дверяхъ появился матросъ, и шкиперъ молча позволилъ капитану изслѣдовать внутренность сундука.

— Ба! Что это? — вскричалъ тотъ, вынувъ что-то, безусловно похожее на

карту. Нѣмецкій ярлычокъ на ней гласилъ: «Минныя загражденія рѣки Эльбы. Германское Адмиралтейство, 1916»...

Ближайшій осмотръ тралера обнаружилъ много заряженныхъ минъ, совершенно готовыхъ для спуска въ воду, большой запасъ газоліна и нефти для снабженія подводныхъ лодокъ и запасъ консервовъ,

котораго могло бы хватить на продовольствіе цѣлаго крейсера въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ.

Часъ спустя къ подводной лодкѣ прибылъ контръ-миноносецъ, которому капитанъ передать плѣненный тралеръ, совсѣмъ забывъ, однако, передать найденную въ рубкѣ карту. И шкипера съ тралера онъ тоже оставилъ у себя — для своихъ собственныхъ цѣлей...

На другое утро лодка «М. 39» осторожно пробиралась между островами,

защищающими входъ въ устье рѣки Эльбы. Ее велъ шкиперъ съ тралера подъ наблюденіемъ капитана лодки и подъ дуломъ его револьвера. Итти здѣсь было очень опасно, потому что по одну руку круто поднималась мель, а по другую — двадцатифутовая глубина, густо усаженная минами, представляла прямой путь на тотъ свѣтъ для всякаго смѣльчака, который вздумалъ бы проникнуть сюда

Пила заработала, и мина быстро всплыла наверхъ.

безъ карты. Но карта имѣлась у капитана; а шкиперъ, которому обѣщали свободу въ случаѣ успѣха предпріятія и вѣрную смерть въ случаѣ неуспѣха, оказался отличнымъ лодманомъ.

Такъ лодка «М. 39» все дальше проникала въ устье священной германской рѣки, пока не очутилась, наконецъ, миляхъ въ десяти отъ Куксгафена и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ глубина воды достигала шестидесяти футовъ.

Здѣсь она опустила на дно и лежала тамъ до тѣхъ поръ, пока не стемнѣло. Тогда лодка «М. 39» осторожно поднялась, пока ея перископъ не высунулся изъ воды дюймовъ на шесть.

Капитанъ благодарилъ Бога, что легкое волненіе на поверхности рѣки скрывало слѣды, оставаемый перископомъ. Небо было темное, бархатистое. Тамъ и сямъ мерцали звѣздочки, но луны и слѣда не было. Вдругъ впереди показалась звѣзда, болѣе яркая, чѣмъ другія, и направлявшаяся прямо къ перископу. Это былъ мачтовый огонь сторожевого истребителя.

Немедленно лодка круто нырнула на глубину пятидесяти футовъ, и истребитель прошелъ надъ ней, не замѣтивъ ея.

Капитанъ внимательно слѣдилъ за шкиперомъ у руля, который съ помощью карты и компаса велъ лодку извилистымъ путемъ къ югу. Они миновали Куксгафенъ, убѣжище контръ-миноносцевъ и мелкихъ судовъ, миновали Крацъ-Зандъ, и разсвѣтъ засталъ ихъ почти около Брунсбюттеля. Здѣсь капитанъ рѣшилъ снова взглянуть наружу, но, увидѣвъ летящій аэропланъ, поскорѣе послалъ лодку назадъ на дно.

Они опять продолжали путь подъ водой, временами натываясь на дно. Но вдругъ до слуха команды донесся злобщій звукъ: царапающій звукъ стали объ сталь. Всѣ поблѣднѣли, какъ смерть, ибо всѣ знали что это такое.

— Боже!—вскричалъ шкиперъ.—Мины!

— Да,—сказалъ капитанъ,—это мина, и если вы не повернете руль скорѣе, она можетъ взорваться.

Шкиперъ не заставилъ повторить это себѣ дважды; онъ съ молниеносной быстротой отдалилъ лодку отъ шальной мины, но съ испугу чуть не направилъ ее на другую. Однако все обошлось благополучно, лодка вновь заняла надлежащее положеніе въ каналѣ и, чуть высунувъ перископъ изъ воды, повернула ко входу въ гавань Брунсбюттель.

— Намъ везетъ!—вскричалъ капитанъ.—Тутъ цѣлая флотилія подводныхъ лодокъ занимается упражненіями, разсѣянная по всей гавани, такъ что никто не обратитъ на насъ вниманія, и мы можемъ спокойно стоять и наблюдать. Но за рулемъ все-таки смотрите,—добавилъ онъ.—Пусть кто-нибудь смѣнитъ шкипера на время, и не зѣвайте, если какая-нибудь непріятельская лодка вздумаетъ подойти къ намъ.

Но ни одна лодка не подошла, и капитанъ могъ спокойно наблюдать. Онъ почерпалъ много полезныхъ свѣдѣній относительно вооруженія и конструкціи германскихъ лодокъ, отмѣтилъ присутствіе въ гавани четырехъ дреднотовъ и восьми большихъ крейсеровъ, а въ самомъ Кильскомъ каналѣ замѣтилъ мачты и трубы безчисленныхъ судовъ. Но затѣмъ, при появленіи цепелина, который медленно началъ кружить надъ гаванью, онъ рѣшилъ, что разумнѣе будетъ исчезнуть изъ виду и дожидаться ночи, прежде чѣмъ произвести свое нападеніе.

Ровно въ девять часовъ вечера лодка опять хотѣла подняться на поверхность, чтобы произвести развѣдку, но на глубинѣ сорока футовъ что-то вдругъ остановило ее, и хотя ея балластные резервуары совершенно освободили отъ воды, она все-таки не поднималась выше.

— Достаньте водолазные костюмы,—скомандовалъ тогда капитанъ.—Я пойду, посмотрю, что насъ держитъ.

Въ сопровожденіи механика онъ вошелъ въ воздушную камеру, а когда ее наполнили водой, оба осторожно вышли на скользкую «китовую спину» своей подводной лодки. Засвѣтивъ электрическіе фонари на верхушкѣ своего шлема, они начали осторожно пробираться къ кормѣ, пока не достигли горизонтальнаго руля. И тамъ они увидѣли, что между рулемъ и корпусомъ застрялъ толстый стальной канатъ мины, круглая черная головка которой качалась всего въ трехъ футахъ отъ лодки съ торчащими во всѣ стороны ударниками, ожидающими лишь легкаго толчка, чтобы взорвать и мину и лодку вмѣстѣ съ ней.

— Милая штучка!—сказалъ капитанъ въ телефонъ.—Что намъ дѣлать съ ней?

— Подержите ее минутку, чтобы она не прыгала, сэръ, а я перепилю канатъ,—отвѣтилъ механикъ.—Пилу я захватилъ съ собой.

Пила заработала, и вдругъ мина всплыла наверхъ, приподнявъ съ собой и капитана, который неожиданно повисъ въ водѣ. Но манипуляція съ клапаномъ костюма вернула его назадъ на спину лодки. Тамъ онъ помогъ механику окончательно освободить руль, послѣ чего они вернулись въ лодку.

Капитанъ смѣнилъ шкипера у штурвала, когда лодка медленно тронулась въ путь и подошла, наконецъ, къ первому въ ряду крейсеру на такое разстояніе, что можно было выпустить торпеду.

— Стойте у минометовъ!—скомандовалъ капитанъ.—Стрѣляйте всякій разъ, когда я махну рукой. Мы пройдемъ вдоль линіи со скоростью четырехъ узловъ и, проходя, выпустимъ по торпедѣ въ каждое судно.

Лодка медленно повернула и начала свой рейсъ. Рука капитана была поднята.

— Пли!—скомандовалъ онъ, махнувъ рукой.

Послышался тихій свистящій звукъ, когда торпеда покинула свою трубу, и вода забулькала. Капитанъ снова махнулъ рукой, и еще и еще—и оба миномета поочередно выбрасывали свои смертоносныя торпеды. Пока стрѣляли изъ одного, другой заряжали. Капитанъ видѣлъ въ перископъ, какъ къ небу поднялись одинъ за другимъ восемь столбовъ воды и восемь ярко-красныхъ столбовъ огня. Изъ десяти торпедъ только двѣ не попали.

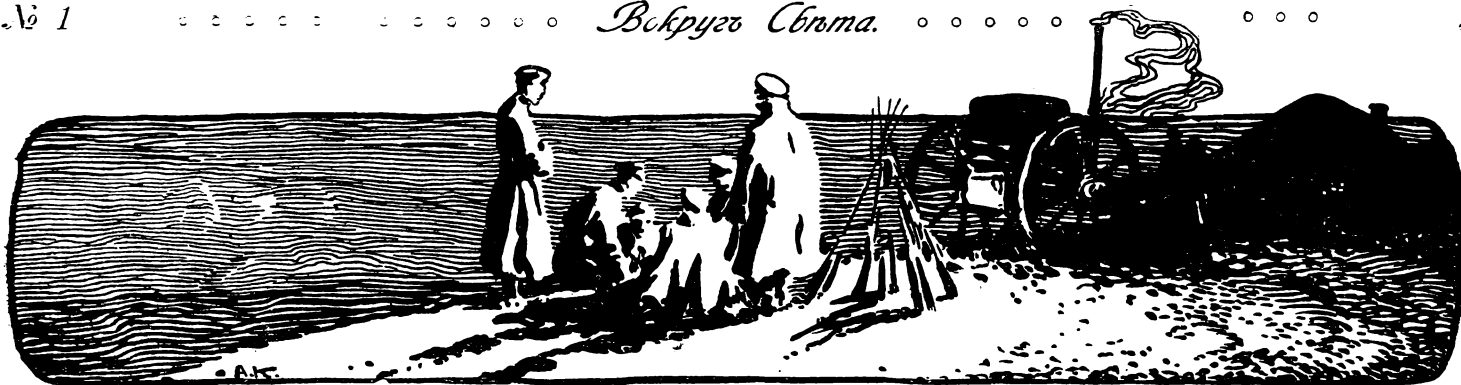
Затѣмъ лодка камнемъ опустилась на дно.

Послѣ этого они спали, проснулись и опять спали, пока не прошло трое сутокъ, въ продолженіе которыхъ нѣмцы обшаривали каждый вершокъ Эльбы и каждый вершокъ неба надъ ней, пытаясь найти лодку, которая какимъ-то непонятнымъ образомъ проникла въ самое гнѣздо орла и подрѣзала ему когти. Они даже взорвали всѣ мины въ рѣкѣ и печально наказали при этомъ двѣ собственныя подводныя лодки. Но все было тщетно.

Въ концѣ недѣли—ровно на восьмыя сутки послѣ плѣненія тралера—капитанъ поднялъ на своей лодкѣ въ Сѣверномъ морѣ мачту беспроволочнаго телеграфа и доложилъ командующему подводной флотиліей, что онъ «на своемъ посту». Начальникъ гнѣвно приказалъ ему итти въ гавань и тамъ ждать военнаго суда и всякихъ страшныхъ каръ.

Но нужно ли добавлять, что вмѣсто «суровыхъ каръ» капитанъ получилъ повышеніе по службѣ и всякіе другіе знаки вниманія, которыми родина умѣетъ отблагодарить героя.

А что случилось съ шкиперомъ?—спросятъ, можетъ-быть, читатели.—Ему обѣщана была свобода, если «М. 39» благополучно вернется изъ своего рискованнаго путешествія, и въ то время, когда капитанъ «представалъ передъ судомъ», матросъ Джонсъ снабдилъ шкипера билетомъ до Америки и паспортомъ.

Иванъ Нивинъ изъ Калиновки.

Разсказъ Бориса Шишкина.

Густой непроглядный туманъ стоялъ надъ рѣкою. Вѣтра совершенно не было и бѣлесая мгла тяжело, вплотную налегла на воду.

Того берега не было видно, да и самая вода рѣки видѣлась только на нѣсколько сажень съ нашей стороны, а далѣе и вода и туманъ сливались въ общую сѣдую неподвижную массу. Тамъ, за рѣкою, были нѣмцы, но вотъ уже три дня, какъ непропицасмая завѣса тумана скрыла ихъ отъ насъ, и что они теперь тамъ дѣлали, никому не было извѣстно.

На нашей сторонѣ, верстахъ въ трехъ отъ рѣки, расположилась небольшая деревенька и чья-то брошенная усадьба. Здѣсь находились кухни, перевязочный пунктъ и штабъ полка.

Полковникъ Матвѣй Ильичъ Кречетниковъ быстрыми шагами ходилъ изъ угла въ уголокъ по комнатѣ, то и дѣло нервно теръ себя рукою по лысинѣ, какъ бы желая что-то такое придумать, и жегъ папироску за папироской. По временамъ онъ съ разгона вдругъ останавливался передъ окномъ, но убѣждался только въ томъ, что окно плотно застлано туманомъ—и ничего больше. Полковникъ бросалъ на этотъ туманъ взглядъ, полный не-нависти, съ остервенѣннѣмъ швырялъ на полъ недокуренную папироску и принимался опять шагать изъ угла въ уголокъ.

Противъ окна, за столомъ, сидѣлъ адъютантъ и про-сматривалъ какія-то бумаги. Онъ иногда тоже съ тоскою взглядывалъ на окошко и снова погружался въ счета.

— Юрій Петровичъ,—обратился къ нему полковникъ.—Да что же это такое. Неужели до сихъ поръ нѣтъ никакихъ извѣстій изъ-за рѣки?

— Нѣтъ. Вчера еще пошла партія развѣдчиковъ и не вернулась.

— Ну значить ихъ... А другіе когда пошли?

— Другая партія охотниковъ пошла сегодня въ ночь, но и эти до сихъ поръ не возвратились.

— О, чертъ возьми!—и полковникъ опять завертѣлся по комнатѣ.—Но поймите, что надо же знать, что тамъ за рѣкою дѣлается. Надо, надо, надо!—кипятился и кричалъ онъ, снова останавливаясь передъ адъютантомъ, какъ будто тотъ былъ виноватъ въ томъ, что не было извѣстій о судьбѣ охотниковъ. Но адъютантъ, вполне понимая причину нервнаго состоянія полковника и сочувствуя ему, все-таки не могъ сказать ничего утѣшительнаго.

— Пошлите, Юрій Петровичъ, кого-нибудь въ лодкѣ прямо въ упоръ на тотъ берегъ къ нѣмцамъ. Вызовите еще охотниковъ. Пусть плывутъ до самаго берега. Пока по нимъ откроютъ огонь, они, можетъ-быть, успѣютъ замѣтить, нѣтъ ли у нѣмцевъ какихъ-нибудь приготовленій къ переправѣ на нашу сторону. Я боюсь переправы,—пояснилъ полковникъ.—Нѣмцы могутъ подъ покровомъ тумана сосредоточить противъ насъ большія силы, навести понтоныя мосты, переправиться и ударить

въ тылъ нашимъ войскамъ, которыя идутъ теперь внизъ по рѣкѣ. Пусть охотники узнаютъ, что можно, но чтобы на берегъ не выходили, а то и они не вернуться.

Адъютантъ вышелъ исполнить приказаніе, а полковникъ, нѣсколько успокоившись, сѣлъ на стулъ, но тутъ же вскочилъ и опять началъ ходить по комнатѣ.

Уже смерклось. На луку около деревни дымили и свѣтились своими печами ротныя кухни. Около нихъ суетились кашевары. Носили дрова, воду. Вонъ солдатикъ несетъ ведро воды. Онъ перегнулся на правый бокъ, а лѣвую руку далеко отставилъ отъ себя и, балансируя, широко машетъ ею при каждомъ шагѣ. Свѣтъ изъ открытой топки кухни слѣпить ему глаза и подъ ногами ничего не видно. Вдругъ онъ, споткнувшись, запутался обо что-то ногами, высоко взмахнулъ рукою и растянулся во весь ростъ; ведро, разливая воду, покатилося по землѣ, изъ-подъ ногъ солдата съ визгомъ вылетѣла черненькая собачка. Она тоже заглядѣлась на кухню, и, перепуганная неожиданнымъ столкновеніемъ, поджавъ хвостъ, отскочила далеко въ сторону и съ опасеніемъ глядѣла оттуда на солдата.

Раздался хохотъ.

— Здорово Вавиловъ.

— Вотъ такъ Вавиль за водой ходилъ,—тутъ же сриемоваль кто-то.

— Да и ту разлилъ,—добавилъ третій.

— Чтобъ те провалиться,—ругался Вавиловъ,—и откуда только эта дрянъ налѣзетъ. У-у, проклятая,—и, схвативъ какую-то щепку, онъ бросилъ ею въ собачонку. Та, снова объятая страхомъ, со всѣхъ ногъ бросилась улепетывать въ темноту. Однако, разсудивъ, что дѣлать все-таки нечего, Вавиловъ поднялъ свою шапку, встряхнулъ, надѣлъ на голову и, взявъ ведро, веселенько побѣжалъ опять къ ручью за водой.

Въ темнотѣ послышался топотъ множества ногъ. Показались люди. Это вторая рота смѣнялась съ позицій и пришла изъ окоповъ на отдыхъ.

Составивъ ружья въ козла, солдатики разбились на кучки. Стоялъ невнятный гулъ голосовъ. Нѣкоторые побѣжали къ ручью умываться, другіе пошли за дровами и начали разводять костры.

Вскорѣ у этихъ костровъ уже сидѣли кружками солдаты и, снявъ шапки, хлебали горячія щи.

Разговоры смолкли, всѣ были заняты только ѣдою, слышалось всхлебованіе щей изъ ложекъ и стукъ ими о края котловъ. Чувствовался здоровый аппетитъ въ здоровомъ тѣлѣ. Вонъ молоденькій солдатикъ даже раскраснѣлся весь, и потъ выступилъ у него на лбу.

— Фу, важно!—протянулъ онъ, отваливаясь отъ ѣды и утирая рукою ротъ.—Теперь хоть бы и покурить.

— Погодишь,—отозвался старый солдатъ,—вотъ опосля ужина лобъ перекрестишь, тогда и покуришь.

— А гдѣ же Шилинъ да и Архипова, кажись, нѣтъ?—спросилъ подошедшій кашеваръ.

— Обь нихъ, братъ, теперь нѣтъ твоей заботы,— отвѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Да и еще кое о комъ тоже оставь твое попеченіе,— добавилъ другой.

— Да вѣдь боя-то никакъ не было,— допытывался кашеваръ.

— Бою не было, а только они еще авчарась ночью на развѣдку ушли и доселѣ не ворочались. Теперь, братъ, ихъ, должно, нѣмецъ кормить, либо ужь...

— Ну, полно пустое молоть,— оборвалъ унтеръ-офицеръ Скрябинъ. — Это, братъ, какъ кому на роду написано. Становись къ повѣркѣ!

Послѣ повѣрки скомандовали: «шапки долой», и множество нестройныхъ голосовъ запѣли «Отче нашъ». Звуки какъ-то глохли въ густомъ туманѣ, и все-таки это былъ торжественный моментъ. Въ этихъ простыхъ словахъ молитвы, пропѣтыхъ нестройными голосами, было что-то трогательно-теплое, объединяющее всѣхъ этихъ, готовящихся, можетъ-быть, завтра же умереть, людей.

Молитва кончилась.

Раздалась команда «накройсь», и солдатики разошлись на ночлегъ. Большинство—въ избы на деревню, а нѣкоторые, укрывшись шинелями, прикурнули у костровъ, предпочитая свѣжій воздухъ ночи затхлому и смрадному теплу избъ, куда набилось солдатъ, какъ сельдей въ бочкѣ.

У одного изъ костровъ сидѣла кучка людей, покуривая на сонъ грядущій цыгарки и сплевывая въ костеръ, и вели разговоръ о дѣлахъ, близко касающихся ихъ роты, о послѣднемъ сраженіи, въ которомъ они были, и о нѣмцахъ.

— Вотъ все говорили, что нѣмецъ въ бою больно лють.

— Лють, лють, а отчего же онъ до штыка не охочь. Какъ чуть мы въ штыки, онъ сейчасъ назадъ въ окопъ. Нешто это порядокъ. Коли въ штыки пошелъ, такъ иди, а то—въ окопъ, а потомъ его опять отсюда выбивай. Зачѣмъ тогда выходилъ. Да покуда онъ въ окопѣ-то ворочается,—мы ему сколько по загорбку насыпимъ.

— Да, страсть не любить нѣмецъ штыка. Онамеднясь валить это онъ на насъ валомъ, видимо-невидимо, и всѣ до одного пьяные, еле на ногахъ держатся, совсѣмъ ничего не понимаютъ, какъ очумѣлые пруть, даже штыкомъ владать не могутъ, ажъ колотъ ихъ стыдно, ровно снопы на вила бери—эй Богу! Ну, Иванъ Березинъ тутъ со мной рядомъ былъ, ворочалъ, ворочалъ штыкомъ,—«да что это, говорить, за срамота такая», плюнулъ да и давай ихъ прикладомъ по зубамъ чистить. Все одно выходить—сичасъ съ ногъ брыкъ—и спать. Вотъ провалиться на мѣстѣ, самъ видѣлъ. Не убить, аль тамъ безъ памяти, а форменно спать—и болѣ никакихъ. Однава дыхнуть, не вру.

— И что это у нихъ за дурацкая привычка такая въ атаку колоной ходить,—удивляется уже бывалый Федоръ Сѣнниковъ.—Пруть, какъ стадо. Тутъ вѣдь изъ винтовки и безъ прицѣла ни одного промаха не дашь, а ежели изъ пулеметовъ аль шрапнелью, такъ отъ всей колоны одна каша останется. И что за аказія, почему такъ идутъ.

— Поди жь ты, стало-быть, мода у нихъ такая.

— Не мода,—отозвался взводный Крутиковъ,—а духу, значить, у нихъ не хватаетъ, чтобы вразсыпную по одиночкѣ итти. Въ кучѣ-то все веселѣй, не такъ страшно, на людяхъ и смерть красна. Оттого ихъ передъ атакой и опанвають, что духу въ нихъ настоящаго не было, такъ, для храбрости, значить.

— Хоть и для храбрости, но только это пустяки, глупость одна, хоть бы то разсудили: развѣ можетъ пьяный супротивъ трезваго устоять: пьяный—что онъ?—толкни его, онъ и готовъ.—вставилъ свое слово фельд-

фебель Максимъ Петровичъ,—или хоть бы то взять— стрѣляютъ они изъ своихъ винтовокъ безъ штыка,—опять глупости. Идемъ, примѣрно, мы въ атаку, и самое убойное мѣсто передъ самыми ихъ окопами проходимъ, а имъ какъ разъ въ это время огонь прекращать приходится, потому пора штыки надѣвать, гостей встрѣчать. Ну, пока они штыки, а мы ужь у нихъ въ окопахъ. Да и штыки-то у нихъ дурацкіе—тяжелые притяжелые тесаки. Повѣсь такую болону на конецъ ружья—нешто долго имъ орудовать будешь—живо умаешься.

Передъ костромъ сидѣлъ согнувшись и обхвативъ обѣими руками колѣни уже немолодой солдатъ Иванъ Нивинъ. На груди его блестѣлъ Георгій. Во все время разговора товарищей онъ молчалъ, задумчиво глядя на пламя костра.

— А что, Нивинъ, у тебя дѣти есть?—спросилъ его одинъ изъ солдатъ.

— Нѣтъ, я и женатъ-то не былъ. Въ прошломъ году матушку схоронилъ, теперь никого у меня не осталось.

И опять всѣ задумчиво молчали. Вотъ кое-кто зѣвнулъ и мало-по-малу начали укладываться спать. Уснулъ и Нивинъ. Туманъ сталъ еще гуще и, казалось, дувилъ собою послѣднія вспышки догоравшаго костра. И снится Нивину, что онъ еще маленькій мальчикъ у себя въ Калиновкѣ. Весна. Грачи прилетѣли. Солнышко ласково грѣетъ. Онъ выбѣжалъ въ одной рубашонкѣ къ себѣ на задворки. Оттуда, съ пригорка, далеко видно. Онъ сталъ смотрѣть и слушать. «Кра, кра, кра», кричатъ грачи на старыхъ высокихъ ветлахъ у своихъ гнѣздъ. «Кра, кра, кра»,—несется въ мягкомъ весеннемъ воздухѣ.—«Весна пришла, весна пришла!» казалось, кричатъ они, и это громкое карканіе придаетъ что-то праздничное и безъ того радостному и свѣтлому утру. Рѣчка за деревней разлилась и затопила дуга почти подъ самые дворы. Снѣгъ въ поляхъ уже сошелъ и лежитъ только кое-гдѣ въ лощинахъ. Солнце сильно грѣетъ. Съ полей поднимается тонкій паръ. Въ ласковомъ синемъ небѣ звенятъ жаворонки.

— Ванятка, иди завтракать,—кричитъ ему мать.

— Сичасъ,—отвѣчаетъ онъ, но не двигается съ мѣста и смотритъ на жаворонка.

— Ишь какъ крылышками на одномъ мѣстѣ трепыхаетъ. И все звенить и все звенить.

Вдругъ жаворонокъ замолкъ и быстро спустился почти до земли. Но вотъ, трепеща крылышками, опять началъ подниматься и снова зазвенѣлъ. Вонъ прилетѣлъ скворецъ и торопливо началъ бѣгать по разопрѣвшей землѣ и тыкать въ нее своимъ желтымъ носомъ. Вотъ онъ схватилъ соломинку, долго бѣгалъ съ нею, держа ее въ носу, потомъ вдругъ почему-то бросилъ и черезъ нѣкоторое время схватилъ другую. Наконецъ, набравъ ихъ цѣлый пучокъ, полетѣлъ къ деревнѣ и юркнулъ въ скворечню.

— Ванятка, иди што ль,—зоветъ опять мать.

Онъ рѣшается, наконецъ, оставить пригрѣтый солнцемъ и такой удобный для наблюдений пригорокъ и бѣжить къ своему двору. Но навстрѣчу ему выѣзжаетъ на телѣгѣ съ сѣменами и съ положенной сверху сохой его отецъ. Онъ ѣдетъ въ поле овесъ сѣять.

— Тятка, возьми меня съ собою,—кричитъ онъ отцу.

— Ну иди,—отвѣчаетъ тотъ и сажаетъ его на телѣгу.

— А что же завтракать-то,—кричитъ въ окошко мать, но онъ не отвѣчаетъ. Тамъ, въ полѣ, теперь столько новаго, занятнаго, что онъ и думать позабылъ о завтракѣ...

И снится ему дальше, что онъ только что вернулся въ Калиновку съ Японской войны. Сидитъ это онъ на завалинкѣ. Обступила его дѣтвора, бабы, мужики.

— Разскажи да разскажи, какъ воевалъ.

— Да чего же я вамъ, миленькіе, рассказывать-то буду. Ну, мы на нихъ, они на насъ. Мы въ нихъ, они въ

насъ палать. А вот просо тамъ на удивленіе растеть. гаолянъ прозывается — выше роста человѣческаго, и народъ. китайцы, работающій, только лошадей у нихъ нѣтъ. Не какъ у насъ—куда ни куда, а все на лошади— въ поле, въ луга ли.

И чудится дальше Нивину, что онъ вечеромъ ѣдетъ верхомъ очереднымъ караульнымъ въ ночное. Съ нимъ верхами же и съ лошадьми въ поводу ребяты человѣкъ съ пять. По улицѣ бѣгутъ мальчата и кричатъ:

— Дядя Иванъ ѣдетъ, дядя Иванъ ѣдетъ въ ночное.

— Дядя Иванъ, возьми меня съ собой.

— И меня.

— И меня.

— Поди у мамки спросишь, тогда возьму... Ну что, пустила? Ну, садись, садись.—Онъ поднимаетъ малыша, сажаетъ его впереди себя на лошадь, и все ѣдутъ на ночь въ луга пасти лошадей.

Чуть-чуть краснѣетъ узенькая полоска вечерней зарі. Внизу, на лугахъ, совсѣмъ темно. Чернѣютъ

— Ахъ, вы трусы эдакіе, хуже дѣвокъ, ей Богу. Ну, идите, идите, я за вами глядѣть буду.

Мальчата позамялись, однако, двинулись, хотя и робко впередъ. Черезъ нѣсколько времени послышались ихъ быстрые шаги и оживленные голоса.

— Я, дядя Иванъ, какъ пошелъ, какъ пошелъ, прямо къ камышу и ни трюшки не боюсь. А тамъ въ камышѣ-то чтой-то ка-а-къ садонетъ, ажъ камышъ зашатался... Ну, я сейчасъ ничего, не испужался, и говорю: это рыба плещется. Ну, сейчасъ наломали камышу и назадъ, а на насъ изъ камышу чтой-то у-у-у. Но только я говорю—это ничего, это такъ. Я теперь, дяденька, ничего не боюсь. Какъ есть ничего.

Сидитъ Нивинъ на землѣ, а вокругъ него разлеглись ребятинки, подперли кудластыя головенки руками. Пристально на Нивина смотрятъ и слушаютъ, а онъ имъ изъ тростника дудки вырѣзываетъ и сказку рассказываетъ.

— Ну, братцы мои, жила-была въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ царица. Настоящая

— Ну, теперь пора, — сказалъ Нивинъ и началъ спускаться въ воду.

камыши по рѣчкѣ. Стелется туманъ по низинкамъ. Ночь глухая и тихая. Въ высокой травѣ по берегу рѣки кричатъ коростели.

«Драпъ-драпъ, драпъ-драпъ», раздастся совсѣмъ близко.

«Рабъ-рабъ, рабъ-рабъ», слышится отвѣтный крикъ другого коростеля дальше и потому мягче. И много ихъ по лугамъ и близко и далеко, едва слышно.

«Къ дождю», думаетъ Нивинъ.

— Ну-ко, ребята, сбѣгай кто на рѣчку, наломай-ко тростнику, я вамъ дудокъ надѣлаю. Ну, что же никто не идетъ. аль боитесь. Ну-ко ты, Васятка.

— Я, дяденька, не боюсь, а только тамъ русалка.

— И, дуракъ, какая тамъ русалка, никакой русалки нѣтъ. Ну, вонъ съ Пашуткой вмѣстѣ ступайте. Ну-ко, идите, я отсюда смотрѣть буду. Идите, идите, небось. Если плещется что, такъ это рыба плещется. Нешто можно всего бояться.

Васятка и Пашутка начали робко переступать съ ноги на ногу къ рѣчкѣ и, пройдя немного, остановились.

— Ты, дяденька, съ нами еще Кузьку пошли.

царица, и корона у ней на головѣ и все такое... Ну, и важная тебѣ, Васятка, дудка вышла, первый сортъ. Накося подуди...

Васятка взявъ дудку въ ротъ, надулъ щеки и задудѣлъ. Но только изъ дудки понеслись вмѣсто пискливыхъ—громовые звуки. Васька дудитъ, а изъ дудки громъ гремитъ, грохочетъ, раскатами перекатывается.

«Что за чудо, что за чудо», думаетъ Нивинъ, но только это уже не Васька дудитъ, а нѣмецкій горнистъ трубитъ въ трубу. Изъ трубы вырывается грохотъ... бумъ, бумъ. Земля дрожитъ отъ тяжкихъ ударовъ...

Нивинъ проснулся. Отъ рѣки несся грохотъ и сливался въ какой-то адскій ревъ. Земля трепетала отъ гула орудій и дикаго воя снарядовъ. Свѣтало. Туманъ прошелъ. Люди бѣжали къ ружейнымъ козламъ и разбирали винтовки. Рота строилась. Отъ рѣки прискакалъ казакъ и, спрыгнувъ на ходу со взмыленного коня, бросилъ поводья и, никого не спросивъ, безъ доклада кинулся прямо въ квартиру полковника. Тотъ уже бѣжалъ къ нему навстрѣчу безъ сюртука, застегивая на ходу подтяжки своихъ рейтузъ.

— Что такое. Что такое!?

— Такъ что наступленіе, вашескородіе. Безъ числа изъ-за рѣки палить, вашескородіе.

— Такъ и есть, переправа!—досадливо махнулъ рукою полковникъ.

— Свистуновъ!—крикнулъ онъ денщику,—адъютанта позвать, лошадь давай. Живо! Что же, мосты наводятъ? Не видалъ?

— Никакъ нѣтъ, вашескородіе, какъ я съ самага первоначала ускакавши, такъ не видалъ, вашескородіе.

— Наши отступаютъ?

— Невозможно держаться, вашескородіе, прямо свѣтопреставленіе. Сразу изо всѣхъ орудій открылъ. Ужаси подобно, вашескородіе.

Полковникъ наскоро одѣвался. Къ дому подскакалъ и слѣзъ съ лошади адъютантъ. На крыльцо взбѣжалъ, придерживая шашку, какой-то штабъ-офицеръ.

— Выведите людей внѣ обстрѣла, если сюда начнутъ ложиться снаряды,—крикнулъ ему полковникъ,—я сейчасъ...—и, вскочивъ на лошадь, онъ въ сопровожденіи адъютанта и казака поскакалъ къ рѣкѣ.

Навстрѣчу имъ шли поодиночкѣ, по двое, по трое люди, что-то кричали, но въ воздухѣ стоялъ сплошной гулъ орудій и какое-то ухање и трескъ отъ ударовъ о землю и взрывовъ снарядовъ, и ихъ голоса исчезали въ общемъ содомѣ звуковъ. Прискакалъ еще казакъ съ донесеніемъ, что нѣмцы наводятъ мостъ.

Вотъ они выѣхали на пригорокъ. По направленію къ нимъ отступали изъ окоповъ роты. Тамъ, гдѣ были окопы и пространство далѣе за ними и весь берегъ рѣки, вся эта мѣстность представляла изъ себя буквально вспаханное поле. Не осталось ни кустовъ ни травы, все было сметено на этомъ пространствѣ. Какъ вода отъ крупнаго дождя, земля вскидывалась и взбрызгивалась отъ сыпавшихся снарядовъ, которые, падая рвались, рыли и пахали землю.

Нѣмцы подъ прикрытіемъ этого ураганнаго огня съ лихорадочной поспѣшностью наводили понтонный мостъ. Наша артиллерія стояла далеко и было очевидно, что ко времени ея прихода непріятель уже успѣетъ навести мостъ и перебросить на нашу сторону массу войскъ.

Все это соображалъ полковникъ и не находилъ другого способа задержать переправу, какъ попытаться разрушить мостъ, но для этого надо послать людей въ этотъ адскій огонь на вѣрную смерть. Онъ зналъ, что немногимъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ пошлетъ, можетъ-быть, только удастся добѣжать до моста и обрубить канаты, но что уже ни одинъ изъ нихъ не вернется назадъ.

Душа его сжималась отъ боли, но онъ рѣшился на все, чтобы сдѣлать хоть какую-нибудь, хотя бы отчаянно безнадежную попытку помѣшать переправѣ и задержать ее до прихода нашей артиллеріи, потому что удачная переправа непріятеля грозила гибелью всему его полку, а, можетъ-быть, и многимъ другимъ.

А нѣмцы, между тѣмъ, перенесли огонь немного дальше отъ берега, перевезли на нашу сторону и укрѣпили канаты и уже начали подводить понтоны.

Нивинъ, прислапный съ донесеніемъ, что обозъ готовъ къ отходу, стоялъ верхомъ сзади полковника и съ тоскою глядѣлъ на всю эту картину. Онъ видѣлъ наши уничтоженные, сравненные съ землею окопы, видѣлъ взрытый снарядами берегъ и работу на этой сторонѣ.

— Вотъ, братцы, и пахать не надо, прямо сѣять можно,—пошутилъ какой-то солдатикъ, глядя на взрытое снарядами пространство.

Нивинъ вздрогнулъ при этихъ словахъ.

«Господи! Народу-то что поляжетъ. Сиротъ-то, сиротъ сколько останется», съ тоскою думалъ онъ. «Да неуже-

ли никакъ иначе нельзя?»—Онъ смотрѣлъ на стоявшихъ солдатъ, и душа его ныла отъ жалости. «Вотъ сколько ихъ стоитъ, а если мостъ брать пошлютъ, наврядъ изъ нихъ хоть одинъ вернется. Охъ, Боже ты мой. Боже ты мой! Неужели никакъ по другому мостъ уничтожить нельзя».—Онъ пристально сталъ вглядываться въ тотъ берегъ, на работу нѣмцевъ. Потомъ взглянулъ вверхъ по рѣкѣ. По ней плыль разный хламъ: доски, охапки сѣна и соломы и много остатковъ разрушенныхъ построекъ. Вдругъ какая-то мысль озарила его. Лицо его просвѣтлѣло. Теплымъ, ласковымъ взглядомъ обвелъ онъ солдатъ, чуть замѣтно улыбулся чему-то и потупился въ глубокой задумчивости. Ревуть орудія, свистятъ и воютъ снаряды.

Полковникъ опустилъ бинокль.

— Надо вызвать охотниковъ, но тутъ мало людей,—сказалъ онъ, повернувъ лошадь, и поскакалъ назадъ въ деревню, къ ротамъ. Поѣхалъ за нимъ и Нивинъ, задумчиво глядя въ гриву своей лошади. У крыльца кватиры полковникъ соскочилъ на землю и быстро вошелъ въ домъ. За нимъ—адъютантъ. Нивинъ тоже слѣзъ съ лошади и твердымъ рѣшительнымъ шагомъ поднялся на крыльцо.

— Ты куда?—окликнулъ его казакъ.

Но Нивинъ, казалось, не слышалъ его. Не колеблясь, отворилъ онъ дверь, вошелъ въ горницу и вытянулся у притолки.

— Ты что?—спросилъ его адъютантъ.

— Прошу, ваше благородіе, доложить его высокородію, что я имѣю сдѣлать заявку.

— Какую заявку?..

Но въ это время изъ другой комнаты вышелъ самъ полковникъ.

— Тебѣ чего?

Дозвольте послужить, вашескородіе. Дозвольте мнѣ мостъ нѣмецкій уничтожить, вашескородіе.

— Ты одинъ?—спросилъ полковникъ.

— Такъ точно, одинъ.

— Ну, это глупости. Ступай!

— Никакъ нѣтъ. Есть возможность, вашескородіе.

Полковникъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Говори.

— Они, вашескородіе, понтоны по канатамъ наводятъ и посверхъ канатовъ настилку кладутъ. Имѣю надежду подъ мостъ подплыть и у ихняго берега канаты перерѣзать. Тогда весь мостъ къ нашему берегу водой привалитъ.

— Какъ же подплывешь?

— Теперь, вашескородіе, много всякаго сору по рѣкѣ несетъ, съ какой-нибудь охапкой соломы подъ мостъ подплыву.

— Какъ тебя звать?

— Иванъ Нивинъ. Второй роты, ваше высокородіе.

— Вотъ что, Нивинъ. Дѣло опасное, пожалуй, и не вернешься. Твердо ли ты рѣшился? Если у тебя духу не хватитъ и ты ничего не сдѣлавъ назадъ вернешься,—только время зря упустимъ. Подумай хорошенько. Говорю тебѣ прямо—на вѣрную смерть идешь.

— Такъ точно. Желая послужить. Я потому, собственно, что у прочихъ—дѣти, сродственники... Много сиротъ останется, ваше высокородіе, а у меня нѣтъ никого. Дозвольте послужить, ваше высокородіе.

— Ну, Нивинъ, иди. Если Господь тебя сохранить, если живъ будешь... награда... Прости, голубчикъ... Иди, Иванъ, иди. Христось съ тобой. Иди за всѣхъ...

— Прощайте, ваше высокородіе.

Въ этомъ «прощайте» прозвучало что-то теплое, не официальное, и Нивинъ вышелъ. Прошелъ сѣни, спустился съ крыльца.

океанъ, пайти который онъ не могъ. Онъ изслѣдоваль узкій перешеекъ, отдѣляющій Сѣверную Америку отъ Южной, увѣренный, что тамъ долженъ быть проливъ, ведущій къ этому океану, о которомъ ходило столько легендарныхъ разсказовъ—къ Индійскому океану, какъ думаль Колумбъ, богатому драгоценными камнями, пряностями и лѣкарственными растеніями. Последнее его путешествіе, кончившееся такъ печально, имѣло цѣлью именно отыскать этотъ океанъ. Но не Колумбу, а Нуньесу де-Бальбоа было суждено сдѣлать это великое открытіе.

Послѣ того, какъ Колумбъ открылъ путь къ странѣ, которую онъ считаль Индіей, у него появилось много

Бальбоа проситъ Родриго Бастидаса принять его подъ свое начальство.

сореvнователей и подражателей, жаждавшихъ итти по его слѣдамъ и помрачить его славу. Сдѣлать это имъ было тѣмъ легче, что епископы, не любившіе Колумба, охотно помогали его соперникамъ.

Испанія была въ это время, послѣ многовѣковой борьбы съ маврами, страной смѣлыхъ, отважныхъ воиновъ. И съ открытіемъ Америки испанцы перенесли за море отвагу, пылъ и мужество, которымъ уже не было приложенія на родинѣ.

Каждый богатый грандъ въ Испаніи держаль въ тѣ времена цѣлый дворъ и собственную дружину, какъ всѣ средневѣковые феодалыне бароны въ Европѣ. Нуньесъ де-Бальбоа происходилъ изъ знатнаго древняго рода, но война разорила его семью, такъ что онъ вынужденъ былъ биться не подъ собственнымъ знаменемъ, а подъ знаменами другихъ людей.

Когда ему представилась возможность отправиться въ Новый Свѣтъ, чтобы покорять тамъ язычниковъ, вмѣсто

того, чтобы бить мавровъ, онъ съ радостью ухватился за эту возможность и рѣшилъ составить себѣ имя и состояніе подъ начальствомъ лучшаго изъ соперниковъ Колумба, Родриго Бастидаса изъ Севильи.

Вмѣстѣ съ Родриго Бастидасъ Бальбоа совершилъ нѣсколько путешествій на материкъ Америки, гдѣ они сдѣлали рядъ открытій.

Но однажды, возвращаясь съ материка Америки на островъ Гаити, названной Колумбомъ Испаньолой, т.-е. «маленькой Испаніей», Бастидасъ попалъ въ руки негодяя Бобадильи, того самаго, который заковаль въ цѣпи Колумба, похитивъ у него его оружіе, его золото и его секретныя бумаги, и съ позоромъ отослаль великаго мореплавателя назадъ въ Испанію.

Такой отъявленный негодяй не могъ, разумѣется, устоять противъ искушенія арестовать и Бастидаса, тоже успѣваго уже стяжать себѣ нѣкоторую славу: его тоже Бобадилья посадилъ въ тюрьму.

Бальбоа остался вслѣдствіе этого не у дѣлъ и ни съ чѣмъ. Вмѣсто того, чтобы завоевать себѣ цѣлое золотое царство, какъ онъ мечталъ, онъ вынужденъ былъ при данныхъ обстоятельствахъ перековать свой мечъ на плугъ и заняться сельскимъ хозяйствомъ на Испаньолѣ.

Но въ душѣ его не угасала мечта о великихъ дѣяніяхъ, и онъ больше думаль о нихъ, нежели о томъ, чѣмъ судьба заставила его заниматься въ данное время. Въ результатѣ онъ запутался въ долгахъ, и, если не утратилъ надежды, то во всякомъ случаѣ совершенно лишился кредита.

Такимъ образомъ онъ сидѣлъ на Гаити, прикованный къ бездоходной фермѣ и лишь умножая долги, сдѣланные въ годы безпечной юности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ молодости онъ былъ изрядный вѣтрогонъ и мотъ. Но такъ же несомнѣнно, что онъ обладалъ благороднымъ воображеніемъ, энергіей, рѣшимостью и рыцарственностью.

Эти лучшія качества его души и заставили его, въ концѣ-концовъ, залѣзть въ бочку...

Какъ ужъ сказано, энергичные авантюристы во множествѣ отправлялись въ это время въ мнимую Индію Колумба. Въ ихъ числѣ находилса и нѣкій Фернадесъ Энсиско, испанскій законовѣдъ, который вложилъ все свое состояніе въ корабль и запасъ провіанта и отправился за море, въ новооткрытую обѣтованную землю, текущую млеко и медомъ.

Послѣ долгихъ отсрочекъ, Энсиско снарядилъ свой корабль и набралъ экипажъ для него. Бѣдный Бальбоа тоже хотѣлъ ѣхать съ нимъ, но его кредиторы не желали и слышать объ этомъ.

Они зорко слѣдили за кораблемъ Энсиско и даже наняли вооруженное судно, чтобы конвоировать его до выхода въ море, дабы ихъ должникъ не убѣжалъ на этомъ кораблѣ.

Такимъ образомъ бѣдный Бальбоа долженъ былъ возвратиться, отвергнутый, на свою ферму, а Энсиско отплылъ, страшно гордясь своей экспедиціей.

Въ числѣ прочаго груза на кораблѣ находилось нѣсколько бочекъ съ съѣстными припасами, принесенными съ фермы Бальбоа.

Когда корабль вышелъ въ открытое море, и вооруженный конвойръ покинулъ его, одна изъ бочекъ вдругъ ожила, и, къ великому изумленію Энсиско, изъ нея выльзъ стройный, статный красавецъ, совершеннѣйшій образецъ воина, искушеннаго въ ратномъ дѣлѣ, и кавалеръ съ утонченными манерами. Это былъ Бальбоа, тайкомъ бѣжавшій отъ своихъ кредиторовъ.

Сначала Энсиско очень разсердился. «Я высажу васъ на первый необитаемый островъ, а вы тамъ умирайте съ голоду!»—грозилса онъ. Но онъ этого не сдѣлаль, а оставилъ Бальбоа на своемъ кораблѣ.

Вскорѣ они достигли Даріенскаго залива. Почти одновременно съ ними туда прибыла вооруженная бригантина, на которой оказались уцѣлѣвшіе члены

«ПОЖИРАТЕЛЬНИЦА ДОМОВЪ И ДЕРЕВЬЕВЪ».

Боевые машины, появившіяся на западномъ фронтѣ во время послѣдняго наступленія союзниковъ на Соммѣ, уже не составляютъ больше военной паники. Англійскіе журналы помѣщаютъ снимки и рисунки «лоханокъ» въ дѣйстви, или какъ они ихъ называютъ «пожирательницъ домовъ и деревьевъ», которыя въ своемъ движеніи впередъ не знаютъ препятствій и лѣзутъ черезъ окопы и воронки, подготавливая путь для пѣхотныхъ атакъ. Первое выступленіе «лоха-

нокъ» состоялось 15 сентября и участіе ихъ въ дѣлѣ было признано тогда очень полезнымъ. Этимъ бронированнымъ чудовищамъ ничто не страшно, кромѣ прямого попадания тяжелаго снаряда, но такое попаданіе можетъ совершиться лишь случайно, потому что «лоханки» авируются. Официально эти машины называются у англичанъ «сухопутными судами Его Величества» и имѣютъ каждая свое названіе.

экспедиции Алонзо де Гойеда. Самъ Гойеда поѣхалъ въ Испанію, чтобы добыть помощь, если возможно, оставивъ привезенныхъ съ собой колонистовъ въ фортѣ, который онъ построилъ въ Санъ-Себастьяно.

Тѣ прождали назначенный имъ срокъ—пятьдесятъ дней, а когда помощь все не являлась, они хотѣли уѣхать. Но тутъ оказалось, что бригантина не вмѣщаетъ ихъ всѣхъ, и они остались спокойно ожидать, пока смерть въ формѣ отравленныхъ стрѣлъ индѣйцевъ или въ какой-либо другой формѣ не уменьшитъ ихъ числа. Когда это случилось, они зарѣзали на ѣду послѣднихъ четырехъ лошадей, которыхъ сохраняли, чтобы пугать туземцевъ, сѣли на бригантину и поплыли. Ими предводительствовалъ страшный Франциско Пизарро, будущій завоеватель Перу.

Къ числу хорошихъ вещей, которымъ Бальбоа научился отъ своего прежняго начальника Бастидаса, принадлежало и умѣніе обращаться съ туземцами. Бальбоа по характеру своему былъ столь же благороденъ и великодушенъ, какъ безстрашенъ и предприимчивъ.

Но Энсиско былъ чело-вѣкъ иного типа. Услышавъ о горахъ, столь изобиловавшихъ золотомъ, что туземцы якобы ловятъ его сѣтями, когда оно плыветъ внизъ по рѣкѣ, и о гробницахъ умершихъ вождей, полныхъ этимъ же драгоценнымъ металломъ, онъ прочелъ индѣйцамъ обычную прокламацію.

Въ ней сообщалось туземцамъ, что Богъ только одинъ въ мірѣ, и что Онъ назначилъ папу Своимъ Намѣстникомъ на землѣ, подчинивъ ему всю землю, и что папа отдалъ «эти острова и этотъ материкъ королю и королевѣ испанскимъ». Если туземцы будутъ вести себя хорошо, ихъ не обидятъ и дадутъ имъ всякія права, если же они не подчинятся своему новому владыкѣ, они сами и всѣ ихъ женщины и дѣти будутъ истреблены огнемъ и мечомъ.

Вотъ, что говорилось въ этомъ изумительномъ документѣ.

Но туземный вождь былъ въ нѣкоторомъ родѣ философомъ и отвѣтилъ черезъ переводчика слѣдующее:

— Насчетъ того, что Богъ только одинъ Великій Повелитель неба и земли, — спорить нечего. Такъ и должно быть. Но другое дѣло, что папа—Его намѣстникъ на землѣ и отдалъ нашу страну королю испанскому. Какъ могъ онъ отдавать то, что ему не принадлежало? Мы—хозяева этой земли. Намъ не нужно никакихъ чужихъ владыкъ, и если король вашъ явится, чтобы завладѣть нашей страной, мы отрубимъ ему голову и посадимъ ее на шесть. Такъ мы поступаемъ съ нашими врагами.

Съ этими словами онъ показалъ Энсиско рядъ головъ, насаженныхъ на шесть.

Разумѣется, произошла битва, и изъ людей Энсиско многіе умерли въ страшныхъ мученіяхъ отъ отравленныхъ стрѣлъ индѣйцевъ.

Изъ вылавливанія золота сѣтями и разыскиванія полныхъ золота гробницъ умершихъ вождей ничего не вышло. Но Бальбоа увидѣлъ хорошій примѣръ того, какъ не слѣдуетъ обращаться съ туземцами.

Вскорѣ послѣ этого произошла катастрофа: они наскачили на подводный камень, и оба корабля—корабль

Энсиско и бригантина Пизарро—затонули со всѣми своими запасами. Люди высадились на берегъ у Санъ-Себастьяно и увидѣли, что это—дикій край, гдѣ нечѣмъ питаться, кромѣ съѣдобныхъ корней да немногочисленныхъ дикихъ свиней, и гдѣ со всѣхъ сторонъ угрожали индѣйцы, которыхъ жестокое обращеніе Гойеды страшно озлобило противъ бѣлыхъ. Казалось, смерть уже глядѣла всѣмъ въ лицо. Тутъ выступилъ Бальбоа.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — сказалъ онъ, — когда я плывалъ съ де-Бастидасомъ, мы изслѣдовали заливъ Ураба, и я хорошо помню индѣйскую деревню, расположенную на лѣвомъ берегу рѣки, которую индѣйцы называютъ Даріенъ. Страна тамъ богатая и обильная, и говорятъ, что тамъ есть золото. А туземцы, хотя они и воинственный народъ, никогда не употребляютъ отравленного оружія. Я поведу васъ туда, если хотите, тамъ мы можемъ достать запасъ провіанта и даже основать колонію.

Такъ сказалъ Бальбоа, и Энсиско съ благодарностью принялъ его предложеніе. Они отправились въ обѣтованную страну, завладѣли ею и основали городъ, который назвали Даріенъ. Но Энсиско вскорѣ оказался такимъ деспотическимъ начальникомъ, что колонисты смѣстили его и избрали своимъ начальникомъ Бальбоа. Энсиско же они отправили назадъ въ Испанію.

Прирожденный предводитель, Бальбоа первымъ деломъ постарался расширить границы своихъ владѣній и войти въ соприкосновеніе съ индѣйцами, чтобы получить отъ нихъ пищу. Между прочимъ, ему пришлось столкнуться съ могущественнымъ племенемъ, вождя котораго звали Карета.

Карета принялъ его гостеприимно, но рѣшительно отказался доставлять колонистамъ продовольствіе. Поэтому Бальбоа среди ночи окружилъ деревню и взялъ въ плѣнъ жену и дѣтей вождя.

— Что я сдѣлалъ тебѣ, что ты обращаешься со мной такъ жестоко? — спросилъ Карета. — Всѣ бѣлолицыя, приходившіе ко мнѣ, находили у меня пріютъ и дружескій приемъ. Когда ты самъ пришелъ ко мнѣ, развѣ я встрѣтилъ тебя съ копьемъ въ рукѣ? Освободи же меня и мое семейство, и будемъ жить въ мірѣ и согласіи. Мы будемъ доставлять тебѣ пищу и укажемъ тебѣ сокровища страны. Ты мнѣ не вѣришь? Вотъ смотри, это моя дочь! Я дамъ ее тебѣ въ залогъ нашей дружбы. Возьми ее себѣ въ жены, и будь увѣренъ въ вѣрности ея семьи и ея народа.

Уже начала рѣчи вождя было бы достаточно, чтобы подѣйствовать на сердце Бальбоа; всякое вѣроломство было чуждо его душѣ, и только необходимость доставить пищу для своихъ людей принудила его поступить такъ, какъ онъ поступилъ. Онъ охотно согласился на предложеніе вождя и взялъ его дочь себѣ въ жены.

Она была очень хороша собой, и онъ искренно полюбилъ ее. Впослѣдствіи ей было суждено стать причиной его гибели, но отчасти это была его собственная вина. Въ глазахъ ея народа и въ ея собственныхъ глазахъ она стала его законной женой, но настало время, когда въ дипломатическихъ соображеніяхъ онъ готовъ былъ, несмотря на всю свою любовь къ ней, разстаться съ ней и жениться на знатной испанкѣ. А этого она не могла ему простить.

Одна изъ бочекъ вдругъ ожила, и изъ нея вылезъ Бальбоа.

Вскорѣ затѣмъ Бальбоа завязалъ дружескія сношенія съ другимъ сосѣднимъ племенемъ. Одинъ изъ сыновей вождя этого племени подарилъ ему четыреста унцій золота, при дѣлѣжкѣ которыхъ между испанцами началась ссора. Молодой индѣецъ, честный, благородный юноша, былъ очень опечаленъ этой ссорой.

— Затѣмъ они ссорятся изъ-за такого пустяка?—спросилъ онъ Бальбоа.—Если золото дѣйствительно имѣетъ такую цѣну въ вашихъ глазахъ, что изъ-за него одного вы покидаете родину, вторгаетесь въ мирныя чужія страны и подвергаете себя столькимъ опасностямъ и лишениямъ, то я вамъ покажу страну, гдѣ вы найдете золото въ изобиліи. Видите вы эти горы? — продолжалъ онъ, указывая на югъ.—*За ними лежитъ большое море*, которое вы увидите съ ихъ вершинъ. Всѣ рѣчки, текуція по южнымъ склонамъ этихъ горъ, изобилуютъ золотомъ, а цари тамошнихъ странъ ѣдятъ и пьютъ изъ золотыхъ сосудовъ. Тамъ золота такъ много, и оно тамъ такая же обычная вещь, какъ желѣзо у васъ, испанцевъ.

Онъ рассказалъ также о томъ, какъ труденъ путь туда, но вызвалъ сопроводить Бальбоа.

Извѣстіе о таинственномъ морѣ произвело на Бальбоа большее впечатлѣніе, чѣмъ извѣстіе о золотѣ. Онъ послалъ въ Испанію, въ даръ королю, много золота и письмо, въ которомъ сообщалъ о новомъ невѣдомомъ океанѣ и о богатствѣ прилежащихъ къ нему странъ, настойчиво прося, чтобы ему прислали тысячу солдатъ—ибо столько воиновъ нужно было, по словамъ молодого индѣйца, чтобы пробиться до неизвѣстнаго океана.

Въ то время, какъ Бальбоа дожидался отвѣта, ему пришлось пережить немало приключеній и перетерпѣть немало лишеній.

Однажды красивая индѣйская дѣвушка спасла ему жизнь, предупредивъ его о заговорѣ индѣйцевъ, обиженныхъ однимъ изъ его сподвижниковъ. Въ это же время до него дошли слухи изъ Испаніи, что Энсико явился ко двору и тамъ насаждалъ такихъ вещей, что сго, Бальбоа, хотѣли предать суду.

Тогда Бальбоа рѣшилъ отправиться къ большому морю, не дожидаясь присылки солдатъ, чтобы имѣть чѣмъ смягчить короля, если его дѣйствительно предадутъ суду. И съ отрядомъ изъ 190 человекъ, вмѣсто 1000, онъ отправился въ путь.

Путешествіе было крайне трудное и утомительное—черезъ болота, горы и тропическія вѣковые лѣса, гдѣ царил лихорадка. Сюда надо добавить еще недоброжелательство туземцевъ, съ которыми происходили постоянныя стычки. Къ тому времени, когда отрядъ достигъ, наконецъ, подножія послѣдней горной цѣпи, изъ 190 человекъ только 67 были способны продолжать

путь. Это было на двадцать первый день путешествія, послѣ двадцати дней непрерывной ходьбы и сраженій.

Утромъ 26 сентября 1513 года, на разсвѣтѣ, усталые авантюристы стали подниматься на послѣднюю гору и скоро увидѣли передъ собой голую вершину, возвышавшуюся надъ всѣми остальными.

Бальбоа приказалъ своимъ спутникамъ остаться внизу, а самъ съ бьющимся сердцемъ поднялся на вершину. Оттуда онъ увидѣлъ весь южный склонъ горы, увидѣлъ лѣса и зеленыя саванны, а за ними, въ отдаленіи, катилъ свои волны Великій океанъ!

Бальбоа упалъ на колѣни и громко возблагодарилъ Бога, потомъ позвалъ своихъ спутниковъ, чтобы и они могли увидѣть новый океанъ, и обратился къ нимъ съ рѣчью. Они пропѣли благодарственный гимнъ и съ трепетомъ спрашивали себя, какія загадки таитъ въ себѣ этотъ океанъ. Индѣйскій ли это океанъ со всѣми своими богатствами, или какой-нибудь другой, неизвѣстный, окаймленный новыми странами съ новыми неизвѣстными народами?

Это былъ величайшій моментъ въ жизни Бальбоа, когда «орлиными очами онъ взиралъ на Великій океанъ, и всѣ его спутники глядѣли другъ на друга въ трепетномъ предчувствіи, стоя въ молчаніи на голой вершинѣ».

Съ величайшей торжественностью Бальбоа объявилъ затѣмъ океанъ, его острова и всѣ окружающія его земли собственностью короля испанскаго.

Одинъ адвокатъ, находившійся въ отрядѣ, составилъ соответствующій документъ, и всѣ шестьдесятъ семь изможденных испанцевъ подписали его. Они срубили молодое дерево, придали ему форму креста и водрузили его среди пирамидки изъ камней, а на ближайшихъ

деревьяхъ вырѣзали имена короля и королевы.

Послѣ этого часть отряда отправилась впередъ отыскивать дорогу къ берегу новооткрытаго океана. Дойдя до берега, они увидѣли три пустыхъ индѣйскихъ челнока. Испанецъ Алонзо Мартинъ спустил одинъ изъ нихъ въ воду, прыгнулъ въ него и поплылъ вдоль берега, радостно крича, что онъ первый христіанинъ, плававшій по «Южному морю», какъ они называли новооткрытый океанъ. И такъ и было въ дѣйствительности. А вторымъ христіаниномъ, плававшимъ по Тихому океану, былъ его товарищъ Бласъ де-Этьенза.

Бальбоа, достигнувъ берега съ остальной частью отряда, далъ заливу наименованіе залива Санъ-Мигуэля, въ честь святого, память котораго праздновалась въ тотъ день. Потомъ, развернувъ флагъ Испаніи, со щитою на плечѣ и обнаженной шпагой въ рукѣ, онъ вошелъ въ воду и громкимъ голосомъ провозгласилъ, что это море со всѣми его землями, берегами и гаванями,

Одна изъ стычекъ испанцевъ съ индѣйцами по пути къ берегамъ Тихаго океана.

островами, городами и царствами составляеть отпущѣ собственность короля Испаніи и его наслѣдниковъ, «какъ нынѣ, такъ и на все будущія времена, пока существуетъ міръ, вплоть до второго пришествія!»

Пробывъ нѣкоторое время на берегу Тихаго океана и узнавъ отъ мѣстныхъ индѣйцевъ, что къ югу находится сильное и богатое государство, Бальбоа рѣшилъ вернуться въ колонію и послать оттуда королю извѣстіе о своемъ открытіи. Обратный путь опять сопровождался кровопролитными стычками съ индѣйцами, но всякій разъ испанцы выходили побѣдителями, благодаря смѣлости и находчивости своего предводителя..

19-го января 1514 года Бальбоа съ товарищами благополучно вернулся въ Даріенъ и тотчасъ же снарядилъ корабль въ Испанію, чтобы сообщить королю о своемъ открытіи. вмѣстѣ со своимъ донесеніемъ онъ послалъ королю много золота и жемчуга.

Между тѣмъ происки враговъ имѣли успѣхъ, и приговоръ суда состоялся въ Испаніи: Бальбоа былъ смѣщенъ, а на его мѣсто былъ назначенъ губернаторомъ Даріена нѣкій Педраріасъ Давилья.

Однако, когда король получилъ донесенія и подарки Бальбоа, его алчное сердце смягчилось, и онъ послалъ приказъ, согласно которому Бальбоа назначался адмираломъ новооткрытаго Южнаго моря и получалъ власть, равную власти Давильи.

Когда Давилья прибылъ въ «Золотую Кастилію» (какъ испанцы называли Панамскій перешеекъ) со своей многочисленной свитой изъ испанскихъ грандовъ, онъ очень удивился, найдя вмѣсто хвастливаго завоевателя, окружившаго себя всяческой пышностью и роскошью, простого, скромнаго человѣка, одѣтаго въ непритязательное платье, питающагося только кореньями, плодами, майсомъ и туземнымъ хлѣбомъ и обучающаго индѣйцевъ, какъ крыть соломой крышу хижины, въ которой онъ жилъ. Ибо таковы были условія, въ которыхъ жилъ человѣкъ, открывшій Великій океанъ.

Давилья былъ человѣкъ фальшивый и жестокій. Онъ выпыталъ у откровеннаго и чистосердечнаго Бальбоа все подробности относительно его экспедиціи, относительно дороги къ океану и богатствъ тѣхъ странъ, а затѣмъ заключилъ его въ тюрьму. Но тутъ прибылъ новый декретъ короля, и Давилья былъ вынужденъ, скрѣпя сердце, выпустить Бальбоа.

Тѣмъ временемъ Бальбоа началъ готовиться къ новой экспедиціи—на этотъ разъ морской, по самому Тихому океану. Съ большимъ трудомъ онъ заготовилъ матеріалъ для четырехъ кораблей и переправилъ его съ помощью индѣйцевъ на берегъ Великаго океана. Тамъ, въ заливѣ Санъ-Мигуэля, изъ этого матеріала Бальбоа построилъ четыре каравеллы и хотѣлъ уже отправиться на завоеваніе Перу.

Но этому не суждено было исполниться. Одинъ вѣроломный товарищъ Бальбоа возбудилъ противъ него гнѣвъ Давильи. Тотъ вызвалъ Бальбоа къ себѣ подъ фальшивымъ предлогомъ, арестовалъ его и назначилъ надъ нимъ судъ, обвинивъ его въ государственной измѣнѣ. А судъ, повинувшись волѣ губернатора, приговорилъ Бальбоа къ смертной казни, несмотря на протесты главнаго судьи, не находившаго за Бальбоа никакой вины. Это былъ не судъ, а насмѣшка надъ правосудіемъ, но все-таки Бальбоа и его мнимые соумышленники были отправлены на эшафотъ и обезглавлены.

Умеръ Бальбоа съ такимъ же благородствомъ и достоинствомъ, какъ держался на судѣ. Но ненависть врага преслѣдовала его даже послѣ смерти, а именно: Давилья приказалъ выставить его голову на шестѣ на главной площади своей резиденціи.

Такъ окончилъ свои дни, на сорокъ второмъ году жизни, въ расцвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ, этотъ оригинальный, трагическій и геройскій человѣкъ, который отправился въ бочкѣ совершить одно изъ величайшихъ открытій въ мірѣ, а, совершивъ его, погибъ безславной смертью на эшафотѣ.

Съ вершины скалы Бальбоа взиралъ на Великій океанъ.

СВИРЪПЫЙ ЦИКЛОНЪ.

Изъ жизни рисовыхъ плантаторовъ на Флоридѣ.

Если вамъ случится проѣзжать на пароходѣ вдоль восточнаго берега Сѣверной Америки изъ Нью-Йорка на югъ, то на третій день пути, на широтѣ Флориды, около полудня, если воздухъ будетъ чистъ, вы увидите на востокѣ неясное пятнышко на горизонтѣ. Если у васъ будетъ съ собой полевой бинокль, вы разсмотрите узкую, низкую плоскую желтаго песку. Это Борделье, небольшой низменный островокъ, отдѣленный отъ материка узкой полоской тихой воды. Во время прилива эта полоска расширяется въ довольно обширное озеро.

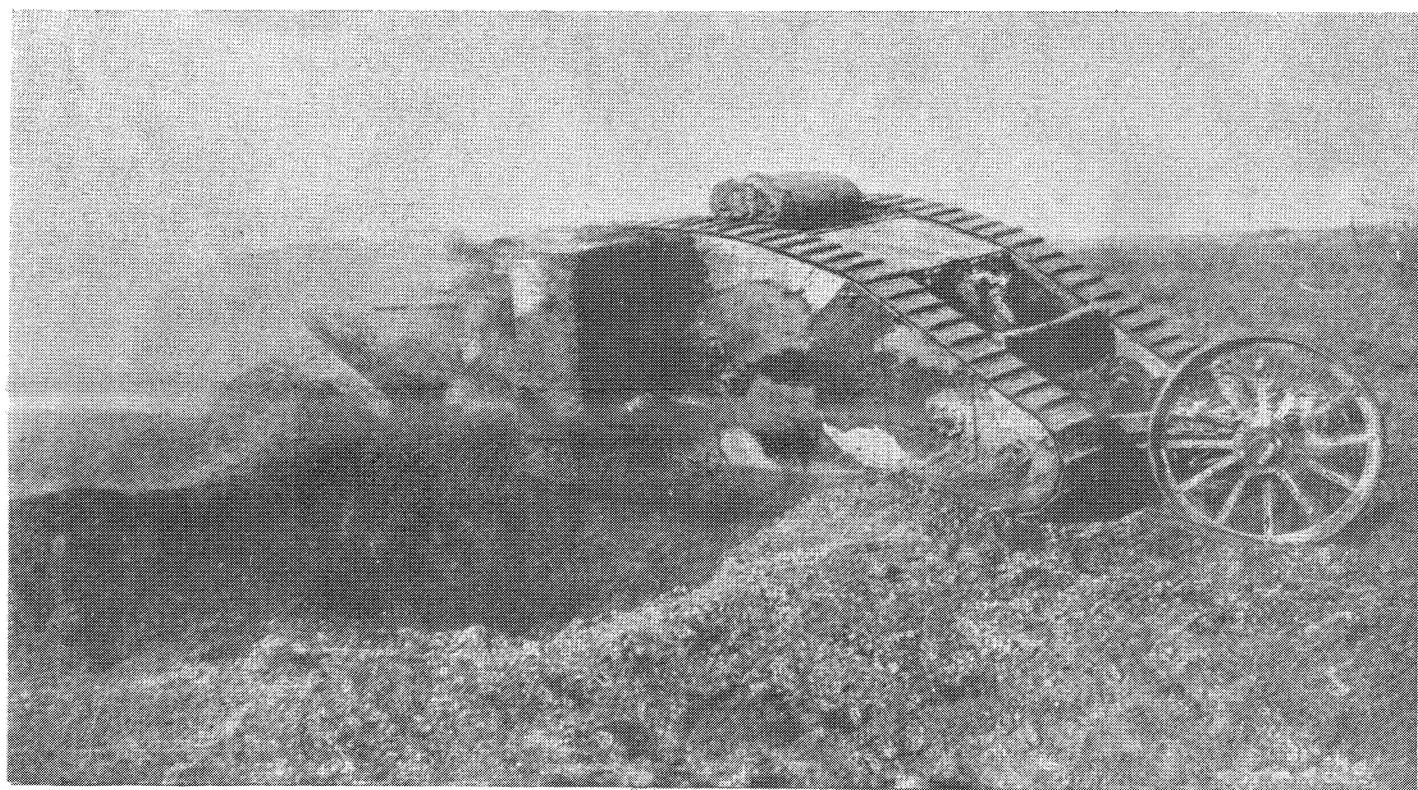
Этотъ островокъ служилъ намъ мѣстопребываніемъ съ мая по ноябрь,—самое ужасное время года, когда на рисовыхъ поляхъ свирѣпствовали москиты и лихорадки, и когда бѣлый человѣкъ стремится въ горы или къ морскому берегу, а негръ спитъ цѣлый день.

Наша дачка стояла на одной изъ трехъ дюнъ Борделье, окруженная кедрами. На горизонтѣ изрѣдка показывался парусъ или дымъ парохода, но по большей части мы не видѣли ничего, кромѣ акулъ и дельфиновъ. Позади дома рошица сбѣгала къ берегу, гдѣ была привязана лодка; въ ней ежедневно съ вечера поварь уѣзжалъ на

„ПОЖИРАТЕЛЬНИЦЫ ДОМОВЪ И ДЕРЕВЬЕВЪ“.

«Лохань», прокладывая себѣ путь черезъ препятствія во время атаки на Соммѣ.

«Лохань», ползущая черезъ окопъ, который не является для нея препятствіемъ.

«Лохань», ползущая черезъ траншеи, все сокрушая и уничтожая на своемъ пути.

берегъ, а на утро возвращался съ свѣжей провизіей. Когда приливъ былъ высокъ, онъ садился въ лодку прямо изъ кухонной двери и плылъ, живописно выдѣляясь на фонѣ заката.

Никогда не забуду неба наканунѣ циклона, палетѣвшаго на насъ въ 1893 году. Это былъ настоящій фейерверкъ алыхъ пылающихъ цвѣтовъ, переходившихъ въ блѣдно-зеленый оттѣнокъ.

Мулъ, наконецъ, рѣшился и, по поясъ въ водѣ, перевезъ насъ черезъ проливъ.

— Небо, какъ передъ землетрясеніемъ,—сказала моя жена.

Ночью луна поднялась въ кольцѣ облаковъ, и подулъ вѣтеръ. Въ продолженіе слѣдующихъ двадцати четырехъ часовъ вѣтеръ продолжалъ дуть съ сѣверо-востока, и все усиливался. Я началъ опасаться за свои рисовыя поля. Сѣверо-восточный вѣтеръ въ этихъ мѣстахъ всегда приносить наводненіе. Дождь лилъ потоками. Въ Джоржтаунѣ, въ двадцати миляхъ отъ насъ, появился сигналъ о циклонѣ, надвигавшемся съ Вестъ-Индскихъ острововъ. Но для того, чтобы получить эту вѣсть, намъ нужно было подняться вверхъ по устью рѣки, а это было совершенно невозможно.

Я пробылъ на плантаціи въ тотъ день до четырехъ часовъ, а потомъ, видя, что дождь не унимается, отправился домой на островокъ. Мой кучеръ негръ очень тревожился о погодѣ, и когда мы отправились въ путь, я увидѣлъ, что онъ былъ одѣтъ въ резиновый плащъ и сапоги, а голову обмоталъ старымъ рисовымъ мѣшкомъ.

Когда мы ѣхали по лѣсу, кругомъ насъ то и дѣло раздавался трескъ ломавшихся сучьевъ и цѣлыхъ деревьевъ. Когда мы выѣхали изъ него и подѣхали къ берегу, нашъ мулъ остановился и не хотѣлъ итти дальше, несмотря на удары кнута. Передъ нами лежалъ островокъ, отъ котораго виднѣлась изъ воды лишь узкая полоска.

— Мулъ боится ѣхать на островъ,—сказалъ негръ,—онъ понимаетъ, что тамъ будетъ ненадежно.

Несмотря на то, что было время отлива, вода въ проливчикѣ, отдѣлявшемъ островъ отъ материка, стояла попрежнему высоко. Потоптавшись на мѣстѣ, мулъ рѣшился. Наконецъ, войти въ воду и по грудь въ водѣ доставилъ насъ на островокъ. Когда я пріѣхалъ домой, я прежде всего посмотрѣлъ на барометръ и удивился, что онъ стоялъ такъ, какъ никогда не стоялъ во время сѣверовосточнаго вѣтра.

Въ четыре часа утра я проснулся отъ страннаго шума подъ окномъ и, выглянувъ, увидѣлъ, что весь скотъ съ островка собрался возлѣ нашего балкона, какъ на самомъ высокомъ мѣстѣ островка. Я одѣлся и подошелъ къ барометру, который продолжалъ вести себя самымъ необъяснимымъ образомъ; потомъ я попытался выйти наружу. Но едва я пріоткрылъ дверь, какъ вихрь песку ослѣпилъ мнѣ глаза, а сильный порывъ вѣтра свалилъ меня съ ногъ. Я не рѣшился подняться, а на четверенькахъ поползъ обратнo въ домъ, заперъ дверь и забаррикадировалъ ее стульями. Окна всѣ были сѣрыя отъ пыли и песку, и я съ трудомъ отыскалъ себѣ чистое мѣстечко, чтобы посмотрѣть, что дѣлалось наружѣ.

До высшей точки прилива не хватало еще цѣлаго часа, но кругомъ островка вода стояла такъ высоко, какъ не стояла во время самаго сильнаго прилива—она доходила до нижнихъ ступеней балкона.

«И еще цѣлый часъ будетъ подниматься!» подумалъ я. И я понялъ, что мнѣ лѣзть. Я опять распахнулъ дверь и бросился прямо въ воду, чтобы добраться до домика, гдѣ жили мои негры, и разбудить ихъ. Едва они вышли оттуда, какъ домикъ рвануло съ невѣроятной силой и сорвало съ его основанія. Почти въ то же самое время раздался другой трескъ, это завалилась конюшня.

Пригибаясь къ землѣ и ползя по ней, мы съ трудомъ добрались до главнаго дома, гдѣ насъ встрѣтила моя жена, блѣдная, какъ полотно.

Я постарался успокоить ее тѣмъ, что нашему дому, построенному тридцать лѣтъ тому назадъ и за это время глубоко ушедшему въ песокъ, не угрожала никакая опасность.

— А что дѣлаетъ барометръ?—спросилъ я.

— Онъ ведетъ себя очень странно,—отвѣтила она мнѣ.—Мнѣ кажется, что онъ испортился.

Я подошелъ къ барометру и увидѣлъ, что стрѣлка его, какъ безумная, мечется то въ одну сторону, то въ другую.

— Нѣтъ.—отвѣтилъ я ей рѣшительно.—Онъ не спорченъ. Это означаетъ, что надъ нами проходить циклонъ. Намъ остается только одно — ждать, пока онъ кончится.

Я умолкъ, оглушенный ревомъ, раздавшимся паружѣ, а жена вдругъ отошла къ стѣнкѣ и оперлась на нее.

— Ты замѣтилъ, что домъ дрожитъ?—сказала она мнѣ, и я кивнулъ ей въ отвѣтъ головой.

— Свари кофе,—посоветовалъ я ей.—Намъ надо подкрѣпиться. Мало ли что придется предпринять...

Она поспѣшила исполнить мой совѣтъ, радуясь хоть какую-нибудь дѣлу, а я сталъ обдумывать, какъ намъ спастись съ этого одинокаго островка, отрѣзаннаго отъ материка бушующей водой. Сначала я хотѣлъ сдѣлать плотъ изъ дѣрева, связавъ ихъ простынями, и посадить на него женщинъ, въ то время какъ мы, мужчины, могли бы плыть, держась за него. Но я рѣшительно отбросилъ этотъ планъ, онъ былъ слишкомъ рискованнымъ, а спасеніе на плоту—слишкомъ невѣроятнымъ. Лучше всего было оставаться въ домѣ, который, въ концѣ-концевъ, выдержалъ немало бурь; а въ случаѣ, если его сорветъ, намъ оставалось еще послѣднее убѣжище—на холмикѣ за нимъ.

Прошло четверть часа. Я слышалъ, какъ рядомъ въ столовой хлопотала жена, какъ выли и причитали на кухнѣ служанки; я смотрѣлъ въ окно, и каждая минута казалась мнѣ вѣчностью. Черезъ двадцать минутъ вода поднялась отъ подвала отдѣльно стоявшей кухни до ея крыши; она сулорожно дернулась, пошатнулась, потомъ поплыла, вертась въ бушевавшей водѣ. Въ это время вода дошла уже до дома, и волны футовъ въ 5-6 вышиной разбивались объ рѣшетку балкона съ шумомъ, который мое испуганное воображеніе сравнивало съ ударами о землю заступа, рывшаго намъ могилу. На окна со звономъ продолжалъ налетать песокъ. Сколько времени могъ еще выдержать домъ?

Я ясно помню, какой отвѣтъ я получилъ на свой вопросъ.

Я какъ сейчасъ вижу комнату, въ которую изъ всѣхъ щелей посыпался мелкій песокъ и заструилась вода. Въ сѣромъ полумракѣ комнаты мы съ женой стоя пили свой кофе, а сзади насъ старая служанка вздыхала, дрожала и крестилась.

Я какъ сейчасъ помню странное ощущеніе, которое я испыталъ тогда: насъ толкнуло и начало качать, а потомъ раздался сильный трескъ.

При этомъ звукѣ насъ охватила паника, и мы бросились бѣжать изъ дому; вслѣдъ за нами бросились негры. Мы

вылѣзли прямо изъ окна спальни въ воду. О, какъ она была холодна!

Вѣтеръ повалилъ насъ на колѣни, и мы съ трудомъ могли подняться вновь. Мы нѣсколько разъ падали и опять поднимались, пока не добѣжали до холмика, гдѣ негры визжали и кричали, ссорясь изъ-за лучшихъ мѣстъ.

Видѣть что-нибудь было невозможно. Я дотронулся до чего-то шерстистаго, курчаваго, что оказалось головой моего слуги — негрятенка. Мальчикъ объяснилъ мнѣ, что мы находимся на холмѣ, но никакого холма въ сущности уже не было. Изъ воды торчали только вѣтки кедровъ.

Мы пытались ухватиться за нихъ, но ихъ такъ трепало вѣтромъ, что ихъ трудно было поймать. Опѣ царапали намъ руки и хлестали насъ по лицу.

— Держись крѣпче,—крикнулъ я женѣ.—Ради Бога держись! Идетъ большая волна.

Волна подошла. Мутная сѣрая гряда воды сшибла насъ съ ногъ. Мы чувствовали, какъ вѣтки, за которыя мы держались, гнулись подъ нашей тяжестью, грозя сломаться. Изъ кустовъ доносились животныя крики испуганныхъ негровъ.

Я крѣпко держалъ жену одной рукой, а другой ухватился за вѣтку. Мы были почти по поясъ въ водѣ, и мнѣ страшно было смотрѣть на нее и гадать, сколько времени мы будемъ въ состояніи выдержать такимъ образомъ.

Но въ то время, когда силы уже измѣняли мнѣ, а мыслью овладѣвала какая-то тупость,—произошла перемѣна. Оглушенный шумомъ и тьмой, я не сразу замѣтилъ ее и долго удивлялся, отчего прибой пересталъ слышаться такъ громко и такъ близко. И потомъ вдругъ я понялъ.

— Держись еще немного!—крикнулъ я женѣ.—Еще немного! Вѣтеръ слабѣетъ.

Черезъ десять минутъ мы стояли на своемъ маленькомъ холмикѣ по колѣни въ водѣ, которая постепенно спадала. Мокрое платье прилипало къ нашимъ дрожащимъ тѣламъ, а мокрне, засыпанные пескомъ волосы повисали со лба.

Мы озябли, проголодались, какъ волки, и совсѣмъ выбились изъ силъ. Не раньше чѣмъ часа черезъ два за нами могли прийти съ берега лодки, но ожиданіе не казалось намъ долгимъ. Въ душѣ была такая сильная радость спасенія и радость жизни, что все теперь казалось намъ легко.

• Хроника войны. •

Отъ 4 до 18 декабря.

Австро-германскій фронтъ.

За отчетный періодъ на нашемъ главномъ театрѣ боевыя дѣйствія развивались преимущественно на юго-западномъ фронтѣ по всѣмъ его участкамъ. Бои эти перво-степеннаго значенія не имѣли, но починъ исходилъ по большей части отъ противника. Наибольше сѣвернымъ пунктомъ, гдѣ отмѣчены наступательныя попытки неприятеля, былъ районъ озера Колдычевскаго, въ 15 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Барановичей. Здѣсь неприятельскіе развѣдочные отряды, одѣтые въ бѣлые балахоны, пытались послѣ артиллерійской подготовки приблизиться къ нашимъ окопамъ, но были отбиты нашимъ огнемъ. Болѣе серьезный характеръ имѣло неприятельское наступленіе на ковельскомъ направленіи, на р. Стоходѣ, въ районѣ селеній Большаго и Малаго Порска,

гдѣ противнику, послѣ ряда атакъ, подготовленныхъ артиллерійскимъ огнемъ, съ немовѣрными усилиями удалось занять часть нашихъ окоповъ, но послѣ нашей контръ-атаки, произведенной на слѣдующій день, неприятель былъ изъ этихъ окоповъ выбитъ, и прежнее положеніе возстановилось.

Въ районѣ къ юго-западу отъ г. Бродовъ противникъ 7-го декабря, подготовивъ атаку огнемъ тяжелой артиллеріи, повелъ наступленіе на наши позиціи у деревни Пониковце, но не прошелъ и половины дороги до нихъ; встрѣченный нашимъ огнемъ, онъ не выдержалъ его силы и быстро отступилъ опять въ свои окопы. Вторичная попытка на другой день въ этомъ же мѣстѣ тоже не имѣла успѣха.

Наибольшее боевое оживленіе отмѣчено за обозрѣваемый періодъ на такъ называемомъ злочовскомъ направленіи, то есть въ районѣ желѣзной дороги Злочевъ—Тарнополь—Львовъ, по обѣимъ ея сторонамъ. Здѣсь неприятель, развивъ интенсивный огонь своей артилле-

рии, даже успѣлъ завладѣть частью нашихъ окоповъ, но вскорѣ былъ отброшенъ фланговой атакой нѣсколькихъ нашихъ ротъ.

Въ брезжанскомъ районѣ, гдѣ не такъ давно происходили упорные, но безрезультатные бои, отмѣчено за истекшій періодъ сравнительное затишье; только въ районѣ станции Потурторы неприятельская артиллерія обстрѣляла наши позиціи, и была одна попытка неприятеля переправиться черезъ р. Ценіувку у деревни Шебалино. На р. Нараявкѣ также было тихо, за исключениемъ небольшой стычки развѣдчиковъ близъ деревни Хербутава.

На р. Бистрицѣ, отъ Іезуполя до д. Кривичъ, противникъ дѣлалъ попытку переправиться черезъ рѣку, зато съ нашей стороны здѣсь отмѣнены удачныя поиски развѣдывательныхъ партій.

Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ шли частныя бои. Въ районѣ Велопутны (къ юго-западу отъ нея) сильный огонь противника встрѣтилъ наши развѣдочные отряды. На подкрѣпленіе имъ были посланы войска, которыя потѣснили противника. Тогда противникъ выступилъ противъ

наш уже крупными силами. В происшедшем бою наши части одержали верх, захватили 50 пленных и овладели одной укрепленной высотой. Кроме того, наши войска на этомъ участкѣ овладѣли частью одной горы въ районѣ желѣзной дороги Кимполунг—Якобени.

Это дѣло происходило 7 декабря, а 10 декабря нашимъ войскамъ выпалъ на долю еще одинъ успѣхъ на направленіи Чикъ-Середа. Послѣ основательной подготовки артиллерійскимъ огнемъ, наши войска перешли здѣсь въ наступленіе. Вскрабавшись на крутыя горы, наши роты ворвались въ окопы противника, и къ вечеру двѣ горы полностью перешли въ наши руки. Взято было при этомъ въ пленъ около 200 нижнихъ чиновъ при восьми офицерахъ, и захваченъ одинъ пулеметъ.

Въ районѣ къ сѣверу отъ Лоптянъ и къ югу отъ Ойгузской долины непріятель 17 декабря, послѣ цѣлаго ряда настойчивыхъ атакъ, удалось овладѣть нѣсколькими высотами на фронтѣ нашего расположенія къ югу отъ р. Ойгуза и этимъ принудить насъ къ отходу на другія позиціи.

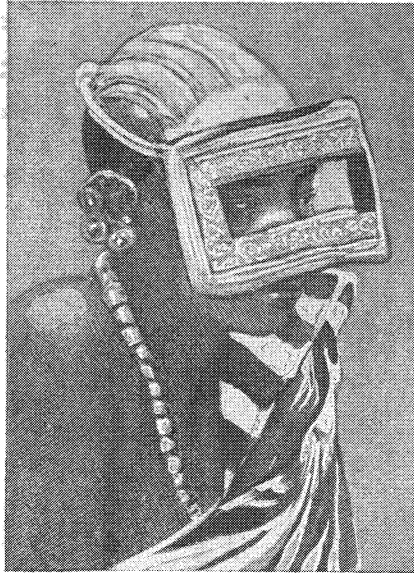
Румынскій фронтъ.

На Молдавской границѣ непріятель пытался атаковать наши позиціи у дер. Холло, къ югу отъ Дорна - Ватры, но былъ отраженъ артиллерійскимъ огнемъ. На югѣ, въ долинѣ р. Усы, наши войска овладѣли гребнемъ мѣстныхъ горъ, взявъ при этомъ пленныхъ съ офицерами и 1 пулеметъ. Въ районѣ дер. Гласхютте мы также заняли рядъ высотъ, взявъ въ пленъ болѣе 200 нижнихъ чиновъ и 5 офицеровъ, при чемъ также былъ захваченъ одинъ пулеметъ.

Въ Валахій румынская армія, утомленная непосильными боями съ подавляющимъ своею численностью противникомъ, отведена была въ тылъ, въ резервъ, и на ея мѣстѣ появились русскія войска. Этимъ объясняется то обстоятельство, что успѣхи непріятеля въ Валахій въ теченіе отчетнаго періода если не совершенно прекратились, то значительно замедлились. Занявъ еще въ предыдущемъ періодѣ желѣзнодорожный узелъ Бузео, противникъ за первую половину отчетнаго періода почти не продвинулся впередъ, несмотря на его усиленный натискъ по направленію къ г. Рымнику. На фронтѣ Раковичи — Вадуль — Сореси происходили 9-го декабря ожесточенные бои, не принесшіе непріятелю ни малѣйшаго успѣха. Въ районѣ Бузео, у Вишанъ и у Станкуцы, было остановлено нашимъ огнемъ наступленіе кавалеріи и пѣхоты. Однако 11 декабря непріятель, получивъ новыя подкрѣпленія, перешелъ въ рѣшительное наступленіе по всему фронту, поддерживая яростныя атаки пѣхоты огнемъ тяжелой и легкой артиллеріи. Большинство отдѣльных атакъ было отбито съ тяжкими для противника потерями, но тамъ, гдѣ ему удалось сосредоточить превосходныя силы, а именно въ районѣ желѣзной дороги Бузео — Рымникъ - Сератъ — Фокшаны, онъ добился успѣха. Наши и румынскія войска вынуждены были отступить за рѣку Рымникъ.

Въ Добруджѣ обстановка сложилась для насъ за обозрѣваемый періодъ также не совсемъ благоприятно. Вслѣдствіе собитій въ Валахій наши войска еще двѣ недѣли тому назадъ вынуждены были отойти на сѣверъ и удерживали за собой лишь сравнительно узкую полосу на правомъ берегу нижняго Дуная, затѣмъ непріятель перешелъ здѣсь въ наступленіе большими силами на весь фронтъ съ очевидной цѣлью вытѣснить

АФРИКАНСКАЯ ЩЕГОЛИХА.

Негры, а въ особенности негритянки, какъ известно, любятъ наряды и украшения. Передъ нами дѣвушка негритянка изъ Восточной Африки, принадлежавшей до послѣдняго времени Германіи, а нынѣ завоеванная союзниками. Кроме обычныхъ бусъ и пестрыхъ тряпочекъ, на этой щеголихѣ надѣта своеобразная маска, изъ-за которой видны только глаза и ротъ. Маска искусно разрисована замысловатымъ рисункомъ и надѣта на лицо наподобіе вуали.

ЧЕТВЕРОНОГІЙ ЧАСОВОЙ.

Многоразличныя области примѣненія собачьяго труда на войнѣ, примѣняемаго особенно у французовъ, все расширяются. У французовъ есть собаки, подвозящія снаряды, собаки-санитары, собаки-почтальоны, собаки часовыя, собаки-развѣдчицы, а теперь есть еще и собаки-сторожа. На нашемъ рисункѣ изображена такая собака-сторожъ. Уткнувшись головой въ отверстие, она смотритъ и чутко прислушивается. Если непріятельскій развѣдчикъ приближается къ окопамъ ползкомъ, часовые могутъ не замѣтить его, но чуткое ухо собаки, а еще болѣе ея чуткій носъ не упустятъ ни малѣйшаго шороха. сторожъ зарычить и во-время подниметъ тревогу.

нашъ совершенно изъ Добруджи. Въ концѣ періода дѣла были въ такомъ положеніи: войска наши отступали на сѣверъ, а непріятель, тѣсня наши арьергарды, пытался воспрепятствовать нашей переправѣ за Дунай. 12 декабря наши войска очистили Исаки и Тульчу, куда сейчасъ же вступили противникъ. Послѣ этого въ нашихъ рукахъ остался лишь небольшой участокъ Добруджи противъ Галаца и Браилова, гдѣ находятся самыя удобныя переправы черезъ Дунай. Непріятель продолжалъ наступленіе и занялъ 16-го декабря дер. Ракчи, а 18-го декабря, близъ деревни Гречи, въ 26 верстахъ отъ Брилова, непріятельскія войска заняли съ боя высоту въ центрѣ нашего расположенія.

Западный фронтъ.

Въ теченіе обозрѣваемаго періода французы развивали свой блестящій успѣхъ, одержанный 2 декабря подъ Верденомъ, продолжая наступленіе къ сѣверу отъ Дуомона и овладѣвъ частью второй оборонительной линіи германцевъ въ районѣ Шамбреттъ—Безанво, 16 декабря отбиты германскія атаки на высоту близъ Мортomma.

На Соммѣ отбито наступленіе германцевъ на нѣкоторыхъ южныхъ участкахъ. а у Пармантьера и близъ Арраса англичане захватили часть германскихъ окоповъ.

На итальянскомъ фронтѣ была артиллерійская перестрѣлка въ Трентино: на Карсо итальянцамъ удалось занять нѣсколько воронокъ близъ Биско-Мало. Замѣчено прибытіе на итальянскій фронтъ незначительныхъ пока подкрѣпленій изъ Германіи, гдѣ усиленно распускаются слухи о предполагаемомъ наступленіи германцевъ на Италію черезъ Швейцарію.

Стѣдуетъ отмѣтить также морской бой, происшедшій 10 декабря въ заливѣ Отранто. Непріятельская эскадра (австрійская) атаковала въ ночь на это число нѣсколько большихъ итальянскихъ сторожевыхъ судовъ, но была тотчасъ же замѣчена французскими контръ-миноносцами. Послѣ ожесточеннаго огня съ обѣихъ сторонъ непріятель, преслѣдуемый боевыми союзными судами, скрылся, воспользовавшись ночной темнотой. Потери, понесенныя непріятелемъ, неизвѣстны. Незначительныя поврежденія получилъ одинъ французскій контръ-миноносецъ и одно итальянское сторожевое судно.

Македонскій фронтъ.

Около Монастыря происходили бои, не давшие результатовъ. Монастырь обстрѣливался тяжелой германской артиллеріей.

Набѣги англичанъ на фронтѣ Струмы, въ районѣ Напатора и у Дойранскаго озера, закончились нанесеніемъ противнику нѣкоторыхъ незначительныхъ потерь.

Кавказскій фронтъ.

Здѣсь не происходило крупныхъ столкновеній ни въ Малой Азіи ни въ Персіи. Можно, впрочемъ, отмѣтить нѣсколько нашихъ частныхъ успѣховъ къ юго-востоку отъ Ванскаго озера.

Въ Месопотаміи англичане продолжали свое движеніе къ Кутъ-эль-Амарѣ, расширили позиціи, захваченныя на сѣверномъ берегу р. Хаи, и закрѣпили за собой запятую территорію.

Въ Египтѣ англичане нанесли чувствительное пораженіе туркамъ у Магдабаха и взяли крѣпость Эль-Аришъ.

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 №№ БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА. Романы, повѣсти и рассказы.—Путешествія по дальнимъ странамъ и морямъ.—Очерки по родиновѣдѣнію.—Бытъ и нравы культурныхъ и дикихъ народовъ земного шара.—Обширный отдѣлъ по естествознанію.—Научныя открытія и техническія изобрѣтенія, и т. д.

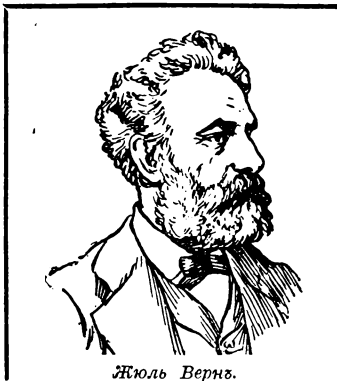
Въ 1917 г. будетъ вестись специальный отдѣлъ, посвященный скаутскому движенію (юные развѣдчики) среди англійскаго и русскаго юношества, а также будетъ печататься англійскій матеріалъ съ параллельнымъ русскимъ текстомъ для практики въ англійскомъ языкѣ подписчиковъ занимавшихся по нашему самоучителю въ 1916 году.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЖУРНАЛУ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ на 1917 годъ.

36 КНИГЪ первой серіи полного иллюстрированного собранія сочиненій знаменитаго короля фантастики **ЖЮЛЯ ВЕРНА**

Въ 1917 году будетъ дана 1-я серія полного собранія, которая будетъ заключать въ себѣ 30 романовъ, издающихся впервые въ полномъ, несокращенномъ видѣ, въ томъ числѣ 4 пророческихъ романа.

Полнаго иллюстрированного собранія сочиненій ЖЮЛЯ ВЕРНА до сихъ поръ все-таки еще не было издано на русскомъ языкѣ, несмотря на огромную популярность, которой пользуется этотъ несравненный авторъ среди русской молодежи всѣхъ поколѣній. Всѣ выходяшія до сихъ поръ изданія можно было назвать полными лишь относительно. Настоящее изданіе, раздѣленное на серіи, является дѣйствительно полнымъ, т. е. въ него войдутъ, кромѣ всѣхъ романовъ, выпущенныхъ при жизни ЖЮЛЯ ВЕРНА, также и всѣ его посмертные романы, нѣкоторые изъ коихъ не появились ни въ одномъ русскомъ собраніи сочиненій. Въ первую серію романовъ, даваемую въ 1917 году, войдутъ также его четыре пророческихъ романа, предсказавшихъ подводное плаваніе, завоеваніе воздуха, современную мировую войну и ея чудовищную технику.

Жюль Вернъ.

СОДЕРЖАНІЕ 36 КНИГЪ:

1. 80000 верстъ подъ водой.—2. Милліоны индѣйской княжны.—3. Проклятая тайна.—4. Воздушный корабль.—5. Путешествіе къ центру земли.—6. Золотой метеоръ.—7. Отъ земли до луны.—8. Вокругъ луны.—9. Вверхъ дномъ.—10. Плавающий городъ.—11. Упрямецъ Керабанъ.—12. Властитель міра.—13. Михаилъ Строговъ.—14. Крушеніе Джонатана.—15. Морской змѣй.—16. Клодусъ Бомбарнакъ.—17. Кловисъ Дарданторъ.—18. Южная звѣзда.—19. Лотерейный билетъ.—20. Треволненіе одного китайца.—21. Архипелагъ въ огнѣ.—22. Зеленый лучъ.—23. Пять недѣль на воздушномъ шарѣ.—24. Приключенія капитана Гаттераса.—25. Вторая родина.—26. Черная Индія.—27. Маякъ на краю свѣта.—28. Воздушная деревня.—29. Ченслеръ.—30. Дунайскій лощманъ.

12 №№ иллюстрированного еженѣсничка, издаваемого по типу англійскихъ „магазиновъ“, **„ЖУРНАЛЬ ПРИКЛЮЧЕНІЙ“**

(ПУТЕШЕСТВІЯ, ПРИКЛЮЧЕНІЯ, ФАНТАСТИКА),

въ которомъ, на ряду съ произведеніями русскихъ авторовъ, помѣщаются современныя сенсаціонныя новинки королей приключенческой литературы: Конанъ Дойля, Джека Лондона, Райдера Хаггарда, Чарльса Робертса, Б. Стивенсона, Макса Пимбертона и мног. др. излюбленныхъ и талантливыхъ авторовъ этого жанра.

Болѣе 1500 колоннъ убористаго текста и 150 иллюстрацій.

12 ВЫП. ЗНАМЕНИТАГО СОЧИНЕНІЯ, въ 1-мъ изданіи разошедшагося въ 200000 экз. **БОЙ-СКАУТЫ**

РОБЕРТА БАДЕНЪ ПОУЭЛЯ (юные развѣдчики).

Иллюстрированное руководство общественнаго и практическаго самовоспитанія молодежи. Въ переработкѣ Вл. А. Попова и В. С. Преображенскаго примѣнительно къ условіямъ русской жизни и природы.

Въ переживаемыя нами тяжелыя годы великой мировой войны, когда Сольшая часть возрослаго мужскаго населенія рѣшаетъ судьбы родины на поляхъ брани или занята лихорадочной дѣятельностью для дѣла побѣды въ тылу, юная молодежь, строительница жизни ближайшаго будущаго, почти что предоставлена самой себѣ. А между тѣмъ, ей надо вырасти здоровой, бодрой, сильной, смѣлой и дисциплинированной, такъ какъ на ея долю выпадетъ великая работа по обновленію нашей родины, потрясенной до основанія великой мировой катастрофой. Система общественнаго и практическаго самовоспитанія БАДЕНЪ ПОУЭЛЯ, объединившая въ скаутскія организаціи болѣе полу-милліона молодежи въ Англии и ея колоніяхъ и захватившая молодежь Франціи, Бельгіи, Италіи, Швеціи, Румыніи, Японіи и другихъ странъ, идетъ цѣлкомъ навстрѣчу рѣшенію этой важной задачи, тѣмъ болѣе, что система эта воплощена въ чрезвычайно привлекательныя для юношества формы.

Баденъ Поуэль.

СОДЕРЖАНІЕ 12 ВЫПУСКОВЪ:

Биографія сэра Роберта Баденъ Поуэля и возникновеніе его идеи общественно-практическаго самовоспитанія молодежи по системѣ „скаутингъ“.—Англійскіе бой-скауты, ихъ организація, законы и дѣятельность.—Слѣдопытство, мирныя развѣдки и скаутская тренировка.—Знакомство скаутовъ съ родной природой и животнымъ міромъ.—Устройство лагерей, лагерная жизнь, походы и экскурсіи.—Физическое развитіе скаута, гигиѣна, спортъ и игры.—Подача первой помощи себѣ и другимъ въ несчастныхъ случаяхъ.—Выработка скаутскаго характера и добрыхъ услугъ.—Трудовые навыки и ручной трудъ.—Практическія свѣдѣнія скаута на всѣ случаи жизни.—Бесѣды у костра (темы и статьи).—Русскій скаутизмъ и организація патрулей и отрядовъ юныхъ развѣдчиковъ и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ 1917 году со всѣми объявленными приложеніями (безъ дѣленія на абонементы) **въ годъ**

на журналъ „Вокругъ свѣта“

14 р.

съ пересылк. и доставк. по всей Россіи.

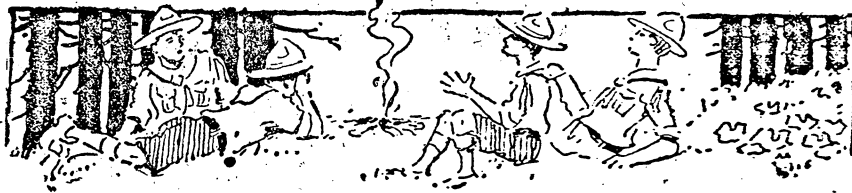
Допускается разсрочка подписной платы:

5 руб. при подпискѣ, 5 руб. къ 1 апр. и 4 руб. къ 1 июля.

Контора журнала „Вокругъ свѣта“: Москва, Тверская, домъ № 48.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Редакторъ Вл. А. Поповъ.

„БУДЬ ГОТОВЪ!“ ВЪСТНИКЪ СКАУТСКАГО ДВИЖЕНИЯ = ВЪ РОССИИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Подъ редакціей **Вл. А. Попова.**

Адресъ для писемъ: Москва, Пятницкая, д. № 81, редакція журнала «Вокругъ Света».

Списокъ организаций бой-скаутовъ въ Россіи.

Петроградъ. Клинискій пр., д. № 2. Секретарь О-ва «Русскій Скаутъ» **И. Н. Жуковъ**. Начальникъ дружины **Б. Н. Сельжескій**.

I отрядъ: Лиговка 44. Нач. отр. **К. Перцовъ**.

II отрядъ: 5 Гребецкая ул., д. № 15, коммерч. учил. Нач. отр. **Е. Жено**.

III отрядъ: Вас. Остр., 12 линия, 1-ое реальн. учил. Нач. отр. **В. Богушевичъ**.

Москва. Отрядъ Императорскаго Московскаго Рѣчного Яхтъ-Клуба. Берсеневова набережная, д. № 1. Начальникъ и главный инструкторъ отряда **Вл. А. Поповъ** (редакторъ журн. «Вокругъ Света»). Тлф. 3-62-58).

Царское Село. Реальное училище Императора Николая II. Начальникъ отряда **Э. П. Цытовичъ** (директоръ училища).

Кіевъ. Львовская ул. 47-8. Начальникъ отряда докторъ **А. К. Анохинъ**.

Александровскъ. (Екатериносл. губ.). О-во «Бой-скаутъ». Соборная ул., 75. Нач. отр. **Н. М. Никифоровъ**.

Астрахань. Гимнаст. О-во «Соколы».

Архангельскъ. Ломоносовская гимназія.

Ардатовъ, Симб. губ. Мужская гимназія, **В. Федосуровъ**.

Банъ. Реальное училище.

Баямутъ. Земское Реальное училище Императора Александра.

Бирскъ. (Уфимск. губ.). Реальное училище.

Валуевъ. (Воронежск. губ.). Мужская гимназія.

Владивостокъ. Коммерческое училище.

Вятка II мужская гимназія.

Екатеринославъ. II мужская гимназія.

Екатеринодаръ. II реальное училище.

Житомиръ. I мужская гимназія.

Кострома. II мужская гимназія.

Киеловскъ. Жуковская ул. 30. Нач. отр. **Ю. Ю. Чекальскій**.

Никозевъ. (Екатериносл. губ.). Католическая ул. д. 20, кв. 1. **А. А. Хмилевскій**.

Одесса. II мужская гимназія. Нач. отр. **В. С. Чина** (инспекторъ гимназіи).

Пезза. Реальное училище. Нач. отр. **В. С. Ивановъ** (преподав.).

Пермь. Гимназія Императора Александра.

Благословенное.

Петергофъ. Гимназія Александра II.

Рыбинскъ. Крестовская ул., д. Горандтъ.

П. И. Троицкій.

Ставрополь. Учительская семинарія.

Харбинъ. Коммерческое училище.

Харьковъ. IV Мужская гимназія.

Царицынъ. Александровская I гимназія.

Чуга. (Сѣв. обл.). Реальное училище.

Юрьевъ. Объединенная гимназическая организация. Начальникъ дружины **Г. В. Бархатовъ** (директоръ Александровской гимназіи).

Бой-скауты г. Александровска.

Мысль объ организации отряда юныхъ развѣдчиковъ запала давно мнѣ въ голову, но по различнымъ причинамъ приходилось откладывать дѣло до болѣе подходящаго случая и, наконецъ, въ текущемъ году,

благодаря энергичной поддержкѣ со стороны Александра Ивановича Мушанова (предсѣдателя Родительскаго комитета при Александровской мужской гимназіи), удалось организовать О-во «Русскій Скаутъ» подъ предсѣдательствомъ директора Александровской мужской гимназіи **Ф. Г. Кириллова**. Скаутизмъ въ Россіи. у насъ только началъ насаждаться, его основныя задачи были мало для кого известны, поэтому на мой призывъ записались только 25 чело-вѣкъ мальчиковъ не старше 15 лѣтъ. На первомъ шагу мнѣ пришлось столкнуться съ довольно крупными препятствіями: литература по скаутизму была столь бѣдна у насъ въ Россіи, что трудно было начинать заниматься съ этими пособиями, а опытнаго инструктора у насъ подъ рукой не было. Пришлось мнѣ самому заняться всѣми видами работъ, начиная съ кочегара, повара, гимнаста, сигнальщика, доктора и кончая начальникомъ отряда. Второе препятствіе было болѣе чувствительное: не было никакихъ средствъ и не было собственнаго помещенія, гдѣ бы скауты могли заниматься. На помощь пришелъ **Ф. Г. Кирилловъ**, любезно предоставившій помещеніе гимназіи и лодки для прогулокъ. Съ этого момента занятія скаутовъ пошли усиленнымъ темпомъ. Правда, несмотря на то, что большинство скаутовъ были ученики среднеучебныхъ заведеній и были нѣсколько дисциплинированы, настоящаго джентльменскаго, рыцарскаго отношенія не было замѣтно. Я это объясняю тѣмъ, что большинство скаутовъ принадлежало къ бѣднѣйшему рабочему классу, гдѣ воспитаніе они получили не среди нянекъ и гувернеровъ, а во дворахъ и на улицахъ, гдѣ они были предоставлены самимъ себѣ, будучи постоянными свидѣтелями грубыхъ, дикихъ разнузданныхъ выходовъ необузданной толпы. Дѣтей же болѣе зажиточнаго класса заботливыя мамы не пускали, боясь, чтобы дѣти не простудились, не походили на цыганъ и не утонули въ рѣкѣ. На этотъ прискорбный фактъ пришлось обратить самое серьезное вниманіе. Я прибѣгъ къ помощи самихъ скаутовъ, и они быстро перехватили мою мысль, твердо запомнивъ, что отъ нихъ самихъ зависитъ все будущее этой молодой организации, т.е. чѣмъ болѣе продуктивной работы, чѣмъ болѣе вниманія и любви къ дѣлу, болѣе готовности служить окружающимъ, тѣмъ болѣе будетъ проявлено къ намъ уваженія и довѣрія со стороны общества, и они это доказали.

На первыхъ порахъ мы проходили упрощенную сигнализацию, подачу первой помощи, пожарное дѣло и совершали лагерныя поѣздки по Днѣпру.

Мы прошли главныя задачи скаутизма и постепенно изучили отдѣлъ подачи первой помощи.

Ничто такъ особенно не занимало мальчиковъ, какъ лагерныя поѣздки. Еще задолго до этого собирались необходимые продукты: крупа, картофель, пшено, сало, и въ особенности фрукты (каштаны были у насъ

любимымъ блюдомъ), назначали поваря, гребцовъ, сторожей, уборщиковъ дровъ и караулы. Всемъ хватало работы.

Уже съ первыхъ поѣздокъ хилые, блѣдные скауты почувствовали себя почти обновленными. Загорѣлся лица, мускулистые руки, смѣлые порывы,—все это повлияло на ихъ впечатлительныя души. По первой поѣздке почти никто не умѣлъ плавать, боялись воды и скорости, во вторую поѣздку—куда что дѣвалось! Главы въ первый день рабстали на солнцѣ, подставляя сaxe худенькое обнаженное тѣло подъ палящіе лучи южнаго солнца, а смѣху, остротѣ, забавѣ—не оберешься.

И вотъ только съ того момента начали вступать дѣти въ болышомъ количествѣ, и заботливыя мамы стали приходить ко мнѣ и просили, чтобы я позволялъ на ихъ емной работать, быть болѣе внимательными, заставлялъ бы ихъ собирать коллекціи бабочекъ, растений, изучать природу, чтобы повліяла на тѣхъ, которымъ предстоитъ передержка—и мало ли было другихъ просьбъ...

Теперь въ отрядѣ 80 скаутовъ, есть инструктора, разбитыя на секціи музыкальныя, художественныя; ручной трудъ обязательный; есть гимнасты, футбольная команда и т. д. Любовное отношеніе къ дѣлу скаутовъ открываетъ благородныя задачи скаутизма и хочется крикнуть: дай, Боже, силъ и энергіи ввести въ жизнь хотя 50% скаутскихъ задачъ, и ужъ тогда отечество будетъ имѣть достойнѣйшихъ гражданъ Великой Россіи. **Н. Никифоровъ.**

Желѣзный законъ скаутовъ.

Молодые люди, вступившіе въ организацию скаутовъ, иногда бываютъ настолько увлечены скаутизмомъ, что это увлеченіе начинается отвыкаться неблагоприятно на ихъ школьныхъ занятіяхъ.

Желѣзный законъ имѣетъ цѣлью парализовать это увлеченіе.

Кромѣ того, организация, имѣющая цѣлью подготовить будущихъ гражданъ Россіи, и принципиально не можетъ мириться съ тѣмъ, что члены этой организации не стремятся всемѣрно стать образованными и просвѣщенными людьми, поэтому не справляющимся со своими обязанностями въ школѣ не должно быть мѣста въ организаціи скаутовъ.

Вотъ статьи желѣзнаго закона скаутской организаціи.

Статья 1. Каждый двѣ недѣли старшій звена обязанъ спрашивать скаутовъ своего звена о полученныхъ ими неудовлетворительныхъ отмѣткахъ.

Статья 2. О скаутахъ, повторно получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки по тѣмъ же учебнымъ предметамъ въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль, старшій звена докладываетъ начальнику отряда.

Статья 3. Въ случаѣ пальнѣйшихъ неуспѣшныхъ занятій по тѣмъ же учебнымъ предметамъ въ слѣдующія двѣ недѣли скаутъ допускается къ занятіямъ лишь съ письменнаго разрѣшенія класснаго начальника.

Статья 4. Скаутъ, получившій за $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ года неудовлетворительную отмѣтку по одному учебному предмету, допускается къ занятіямъ лишь съ повторнаго письменнаго разрѣшенія своего класснаго наставника.

Статья 5. Скаутъ, получившій за $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ года неудовлетворительныя отмѣтки по двумъ или болѣе учебнымъ предметамъ, устраняется отъ занятій впредь до исправленія этихъ отмѣтокъ.

Статья 6. Организация скаутовъ, основанная на личномъ довѣрїи, не требуетъ отъ скаутовъ письменныхъ свидѣтельствъ объ успѣхахъ, но каждый скаутъ, давшій невѣрныя свидѣнія о своихъ успѣхахъ, подлежитъ суду чести, какъ нарушившій IV законъ скаутовъ.

При настоящемъ номерѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается кн. I полнаго собранія сочиненій Жюль Верна.